

Головоломка

Автор:

Франк Тилье

Головоломка

Франк Тилье

Звезды мирового детектива

В новом триллере Франка Тилье «Головоломка» герои Илан и Зоэ, профессиональные охотники за сокровищами, внедряются в таинственную игру, где главный приз составляет триста тысяч евро, а цена ее – человеческая жизнь. Правила игры им неизвестны, они знают лишь ее название: «Паранойя». В горах на территории заброшенной психиатрической лечебницы восемь участников должны бросить вызов своим самым потаенным страхам. Чтобы обрести ключ от заветного сейфа с деньгами, нужно собрать десять черных хрустальных лебедей. Но осторожно: цена такой находки – жизнь. Ваша жизнь.

Впервые на русском языке.

Франк Тилье

Головоломка

© Е. Клокова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

* * *

Но когда от древнего прошлого
не останется и следа,
когда умрут люди и рассыплются в прах вещи,
еще долго пребудут запах и вкус,
более хрупкие, но и более живучие,
спокойные, верные, они, как души,
перекликаются, ждут и надеются,
что на руинах всего сущего сохраняют,
пусть даже в крошечной капельке,
гигантское здание памяти.

Марсель Пруст. В сторону Свана

Вся медицинская бригада, занимавшаяся Люкой Шардоном, собралась вокруг его кровати, они убрали все электроды электроэнцефалографа. Показатели электрокардиографа и других аппаратов свидетельствовали о стабильности состояния.

Пациент, пристегнутый к кровати ремнями, пришел в сильнейшее раздражение.

– Я буду говорить только с моим психиатром, а все остальные пусть уйдут. Пожалуйста...

Палата мгновенно опустела. Люка Шардон попробовал поднять голову, но не смог.

– Не пытайтесь, – сказала Санди Клеор. – Вы долго были в тяжелом состоянии, так что пройдет немало времени, прежде чем ваши мышечные рефлексы восстановятся.

– Ну да, а ремни очень кстати, они не дадут мне упасть или пораниться, так?

Психиатр присела на край кровати и убрала со лба пациента прядь светло-каштановых волос. Красивая молодая женщина – на вид не больше тридцати – была без халата: больница, где лежал Люка, находилась в сотне километров от Отделения для сложных больных[1 - Психиатрическая больница, специализирующаяся на содержании и лечении психически больных, представляющих потенциальную опасность для себя или других лиц.], в котором она работала.

– Не стоит иронизировать, Люка, это для вашей же пользы, иначе нельзя.

– Чушь! Все возможно, если захотеть.

– Как вы себя чувствуете?

Он взглянул в окно, повернул голову и посмотрел прямо в глаза своему врачу, в очень красивые темно-голубые глаза.

– Скажите, доктор Клеор, как долго вы пытались меня лечить – до перевода сюда?

– А вы не помните?

– Нелепый вопрос... как сумасшедший может что-то помнить? Реальность и время – понятия, ничего не значащие для безумцев, разве вы этого не знаете?

Клеор задумалась. Речь и рассуждения пациента показались ей связными, совершенно логичными и без малейшего намека на агрессию.

– Четыре месяца. Вы провели в ОТБ четыре месяца...

– Вы считаете электрошок действенной процедурой? Без нее нельзя обойтись, ее нечем заменить? Вы понимаете, какую боль причиняли мне, пока «лечили»? Знаете, каково это – получить разряд в сотни тысяч вольт? Тебе кажется, что глаза вот-вот вылезут из орбит, а все вены взорвутся. Вам стоит попробовать хоть раз, может, тогда поймете. Психиатрам следует опробовать на себе любую терапию, прежде чем применять ее к другим.

Санди Клеор искоса взглянула на ремни на запястьях пациента. Этот человек мог напасть без предупреждения, стремительно, как кобра, он не раз это делал. Психоз – непредсказуемый и разрушительный недуг, больные страдают галлюцинациями, их обуревают бредовые идеи, большую часть времени они существуют в параллельной реальности, что очень затрудняет лечение. В случае с Люкой Шардоном дело осложнялось тем, что даже в моменты просветления он оставался параноиком и любую попытку врачей и медсестер позаботиться о нем воспринимал как заговор или травлю.

– Электротерапия помогла вашей памяти вытолкнуть на поверхность некоторые воспоминания о прошлом. Как бы вы к этому ни относились, что бы себе ни думали, она вам помогла.

– Бросьте, доктор! Вы подкармливали мой страх и усугубляли страдания, считали, что лечите, но лишь ухудшали ситуацию.

Электрокардиограф подал сигнал бедствия: сердце выдавало сто двадцать ударов в минуту. Люка опустил глаза на иглу капельницы и замедлил дыхание, пытаясь успокоиться.

– Вы с доктором Полем Гамбье, этим любителем трубочного табака, вели пространные беседы, полагая, что больной «в отсутствии». А я все слышал и каждый день по крупице терял рассудок.

– Это трудно понять – и уж тем более поверить.

Он попытался рассмеяться, но закашлялся, лицо покраснело от натуги. Отдышавшись, он спросил:

– Как там Сесиль Жанна? Мертвецы все еще бродят за ней по пятам?

– Увы...

– И она по-прежнему сдирает с себя кожу, если остается без смиренной рубашки?

– К сожалению, лучше Сесиль не стало.

– И не станет. Пока она заперта в вашей больнице, покойники от нее не отвяжутся. – Он вздохнул. – Очень жаль. Она красивая женщина. У нее такие чудные темные волосы – длинные, до пояса. Я всегда любил смотреть на них, касаться ладонью. Сесиль Жанна много для меня значит. Вам это известно.

– Да, конечно.

На мгновение глаза Люки стали пустыми, но он сделал над собой усилие и вернулся к разговору:

– Пока я был в коме, кое-что происходило, доктор Клеор, и это «кое-что» может поставить под вопрос некоторые ваши варварские методы.

Психиатр не понимала, к чему клонит Люка, но, имея опыт подобных разговоров, не позволила выбить себя из колеи.

– Если знаете чудо-решение, Люка, поделитесь со мной.

– Лучше задам вопрос. Вы блестящий врач, вот и скажите, способен ли мозг исцелить сам себя? Очиститься от гнили без внешнего вмешательства, лекарств, врачей? Как заживают ссадины на коленках, даже если их не мазать йодом?

Она покачала головой:

– Выздоровление – путь к той части себя, которую мозг сознательно заблокировал. Пациенты по большей части не способны пройти этот путь самостоятельно, им мешает болезнь. Мы, психиатры, помогаем нашим пациентам разрушать барьеры.

Люка поймал взгляд Санди – он хотел, чтобы она в полной мере прочувствовала его слова.

– Я знаю правду. Я точно знаю, что произошло в тот день двадцать второго декабря, доктор. Мне известно, кто убил восьмерых игроков. Я вижу его лицо, как сейчас вижу вас, доктор.

Санди Клеор выпрямилась. Ее пациент никогда не говорил ничего подобного. Он воспринимал ее как мучительницу, считал, что она участвует в заговоре против него. Она постаралась сохранить нейтральный тон, но возбуждение брало верх.

– И кто же он? Что именно вам известно о том дне двадцать второго декабря?

Люка Шардон поднял глаза на висевшие над телевизором часы:

– Доставайте ваш серый диктофон, доктор, тот самый, которому вы доверяете все эти грошовые умозаключения.

– Я оставила его в отделении.

– Очень удачно. Поезжайте, пока дорогу не занесло снегом, и зайдите в мою палату – ту, где меня держали до перевода сюда. Я кое-что спрятал в одном из металлических прутьев кровати. Достаньте это, возьмите диктофон и возвращайтесь – оно того стоит. Надеюсь, времени у вас достаточно, потому что история, которую я собираюсь рассказать, потрясет ваше воображение.

2

22 декабря

Утро в сердце Альп выдалось сухим и морозным. В такую погоду хорошо надеть снегоступы и отправиться на прогулку. Именно так и собирался поступить аджюдан-шеф[2 - Старший унтер-офицер в вооруженных силах и полиции Франции, примерно соответствует старшему прапорщику в армии РФ.] Пьер Бонифас, если бы в самом конце дня ему не сообщили ужасную новость. Звонивший – горный проводник – находился в шоковом состоянии и едва мог толком объяснить, что случилось.

Вертолет национальной жандармерии, перевозивший Бонифаса и его помощника, летел над огромным лиственничным лесом. Первые лучи солнца освещали горы, их шелковистые вершины тянулись до самой Швейцарии с одной стороны и до Италии с другой. Все двадцать два года полицейской службы Бонифас не уставал наслаждаться этим великолепным зрелищем, каждый день новым и разнообразным, как краски на палитре художника, но этим утром ему было не до красот, он думал о другом.

Бело-синий вертолет перелетел через озеро и опустился на небольшую поляну на высоте четырех тысяч метров. Лопасты винта подняли в воздух облака снега. Унтер-офицеры вылезли, зябко поежились и, сунув носы в воротники синих форменных курток и держа снегоступы в руках, рысцой побежали к человеку, одетому в теплый комбинезон на гагачьем пуху.

– Вы ничего не трогали? – спросил Бонифас.

Проводник повел их назад по собственным следам. Крепкий высокий парень шагал так широко, что Бонифас едва поспевал за ним. «Слава богу, что подъем на этом участке леса между долиной и тянущимися вверх склонами не слишком крутой...» – думал он, пыхтя и отдуваясь.

– Нет, я сразу вызвал жандармерию.

– Вы правильно поступили. А теперь расскажите поточнее, что именно произошло.

Пилот вертолета выключил двигатель, и в горах снова воцарилось безмолвие. Лес стал гуще, деревья стояли так близко друг к другу, что свет, проникавший сквозь листву, рассыпался золотыми искорками. Казалось, что этим утром природа замерзла, затаила дыхание.

– Как только выйдем на тропу, увидим высокогорный приют «Гран-Массив»[3 - Ассоциация пяти лыжных баз в Северных Альпах.]. Теперь он в собственности города. Этот старинный дом стоит на острове посреди озера, там можно передохнуть, хотя нет ни воды, ни отопления. Вмещает приют человек десять, не больше, но от непогоды защищает.

– Знаю, – кивнул Бонифас, – был здесь недавно с семьей. Замечательное место.

Проводник вел их через кустарник, раздвигая ветки руками.

– Что да, то да, – согласился он. – На прошлой неделе туристы сообщили, что прохудилась крыша, и я вчера утром отнес туда инструменты, чтобы кровельщик положил уплотнитель и зацементировал черепицу. Сегодня он должен был все закончить.

Бонифас и второй жандарм дышали все тяжелее, мороз обжигал горло, а их провожатый не сбавлял темп. «Из гранита он, что ли, высечен, этот здоровяк?» – с некоторым раздражением подумал Бонифас.

– Приют всегда битком набит, и в дождь, и в снег. Если все места заняты, люди идут в другой, платный, он находится чуть выше по маршруту.

Трое мужчин продолжали движение, наклонялись, раздвигали ветки, покрытые сверкающим льдом. В царящей вокруг белизне было нечто сюрреалистичное.

Природа оделась в роскошный наряд, но опасность подстерегала их со всех сторон, так что расслабляться не стоило.

– Снег шел до полуночи, пока не похолодало. Сегодня утром, подойдя к дому, я сразу понял: что-то не так, на снегу не было следов – ни ног, ни снегоступов, а туристы накануне приехали, так что...

– Так что это могло означать одно: никто не выходил.

Через несколько минут они вышли из леса, и их ослепил солнечный свет. Бонифас надел темные очки. Безоблачное небо обещало чудесный день. Он сожалел, что оказался в этом волшебном уголке в воскресенье и станет первым служителем закона на месте преступления. Придется отчитываться, заполнять тонны бумаг.

Озеро и островок у подножия горы все еще оставались в тени.

– Кровь была повсюду, – продолжил свой рассказ проводник. – На кроватях, на стенах, на полу. Слева от входа лежали три тела. Почти все спали одетыми и в ботинках – ночью было жутко холодно. Знаете, на что это было похоже? На ледяную шрапнель, ударившую беднягам в спины. Дальше я не пошел. Побежал звонить и даже рюкзак там оставил. – Он остановился и посмотрел на Бонифаса. – Я повел себя как дурак. Нужно было проверить, выжил кто-нибудь или нет.

– Не корите себя, вы все сделали правильно, и место преступления осталось нетронутым, а это главное.

Бонифас экономил слова, сосредоточившись на опасном спуске. Ходьба в снегоступах требовала специального навыка и максимальной концентрации. Они довольно быстро добрались до озера и мостков, которые вели к островку,

прошли через небольшую рощу и оказались перед массивным каменным строением. У входа валялся большой рюкзак проводника. Жандарм замер и инстинктивным движением расстегнул висевшую на поясе кобуру.

– Эти следы ног...

От дома вела цепочка следов, оставленная часом или двумя раньше. Они уходили вправо и за дом. Оставивший их человек был в испачканной кровью обуви.

– Раньше их тут не было, – сказал проводник.

– Уверены?

– На все сто. Утром снег был нетронутым.

Они замолчали. Аджудан-шеф внимательно оглядел окрестности. Возможно ли, что проводник подошел к дому в тот самый момент, когда убийца уже покончил со своими жертвами и собирался сбежать? Даже представлять не хочется, что ждало парня, реши он все-таки войти в дом.

Бонифас воткнул снегоступы в снег, снял перчатки. Он и его помощник достали «ЗИГ-Зауэры»[4 - Пистолет SIG-Sauer – штатное оружие европейских спецподразделений и полицейских.] и держали их наготове. Жандарм сделал знак коллеге следовать за ним и направился к приоткрытой двери. Медленно снял очки. Он видел десятки мест преступления, но мгновенно понял, что нынешнее не забудет до самой смерти.

Справа находились пять тел, слева – три. Одних убили во сне – они лежали лицом к стене, свернувшись калачиком в спальных мешках. Другие – одетые и обутые – пытались уцепиться за ножки кровати. Один – здоровяк под сто тридцать килограммов веса – был совершенно голым и, судя по всему, не оказал ни малейшего сопротивления.

Бонифас сунул нос в воротник парки, чтобы не загрязнять место преступления собственными биологическими выделениями, и подошел проверить, не выжил ли кто-нибудь из несчастных.

Мертвы. Все до единого.

Он представил себе, как тела будут лежать в ряд на прозекторских столах в ожидании вскрытия, подумал о родственниках, которым придется сообщать о трагедии, и ему вдруг захотелось позвонить жене и сказать, как сильно он ее любит.

У его ног лежала молодая женщина лет тридцати, ее распахнутые глаза смотрели в потолок, руки были сложены крестом на груди, как будто она приносила себя в дар Небу. Убийца не пощадил даже женщину.

Распрямляясь, Бонифас заметил окровавленную отвертку с оранжевой рукояткой – она откатилась к ящику с инструментами, стоявшему у плинтуса. Отвертка могла быть орудием преступления, которым убийца наносил удары в шею, грудь и спину несчастных. У всех мертвых туристов были роковые отметины на разных частях тела.

Пятеро мужчин и три женщины заснули рядом с убийцей – об этом свидетельствует отсутствие следов, ведущих к убежищу.

На улице раздались крики. Коллега Бонифаса орал как сумасшедший: «Стоять на месте! Не двигаться!»

Бонифас кинулся к выходу, велел проводнику остаться, и обежал дом. Солнце освещало снег, массивные гранитные громады гор тянулись вершинами к небу, как будто хотели защитить людей, столкнувшихся со злом в чистом виде. Помощник Бонифаса держал на мушке молодого парня, тот сидел у стены, подтянув колени к груди. Он был в теплой одежде и шерстяной шапочке. Бонифас заметил, что куртка и брюки испачканы кровью. Парень поднял полные слез глаза на жандармов и произнес пугающе бесцветным голосом:

– Меня зовут Люка Шардон, я не сделал ничего плохого. Скажите мне, откуда взялась вся эта кровь? И что я делаю здесь, в горах? Я ничего не помню.

Четыре месяца спустя

Молодой человек сидел по-турецки на краю кровати.

– Что такое «II AN 2-10-7»?

– Отстань от меня, раз и навсегда. Спокойной ночи.

– Не знаю, как насчет спокойной, но долгой она будет, как пить дать будет.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Да ничего. Совсем ничего. Спокойной ночи от парня из палаты 27.

Санитар пошел к двери.

– Ты Алексис Монтень? – спросил молодой человек.

– Что?

– Кроме Сесиль Жанны, ты единственный, кто мне здесь нравится. Только ты никогда не желал мне зла.

– Никто не желает тебе зла. Ты у нас уже четыре месяца, пора бы понять и запомнить.

Здоровенный санитар исчез за дверью. Услышав, как щелкнул замок, пациент подошел к кровати, стянул с нее простыню и расстелил на линолеуме.

– Семь, восемь, девять...

Никто так и не смог объяснить ему, что означает надпись, вышитая синими нитками в верхнем левом углу: «II AN 2-10-7». Врачи знают кучу умных слов, умеют произносить ученые фразы, но все они спасовали перед глупой надписью на тряпке. Может, это секретный код? Магическая комбинация, открывающая дверь этой больницы? Он гадал несколько месяцев, но умрет в неведении.

Он осторожно оторвал полоску с цифрами и буквами от простыни и засунул ее внутрь одного из прутьев кровати, который ему удалось раскачать. У следующего пациента, который вскоре займет эту палату, будет шанс разобраться – если догадается отогнуть прут и заглянет внутрь.

Он справился и с кроватью – отвинтил от пола, бесшумно поставил ее на попа и прислонил к стене, потом скатал простыню в жгут, залез на стул и привязал к самым высоким прутьям.

– Сто восемь, сто девять, сто десять...

Он в последний раз заглянул в крошечный глазок, убедился, что никто не идет, и надел на голову наволочку. У него есть триста секунд. Не факт, что будет просто, но он сотни раз мысленно репетировал эту сцену и обязательно преуспеет.

Комната, в которой его держали, была серой, нейтральной, спартанской. Единственная «игрушка» – колода карт Таро на ночном столике. Сесиль Жанна была мастером гадания, она утверждала, что умеет читать будущее и посулила ему «неопределенную» участь. Сам он развлекался иначе: пытался угадать масть и достоинство карты, прежде чем перевернуть ее рубашкой вниз. Одно из немногих забавных занятий в этом худшем из всех ужасных мест, существующих в нашем мире. Как же ему выбраться отсюда, чтобы с каждой минутой не чувствовать себя все более сумасшедшим?

Он плохо различал предметы – мешала надетая на голову наволочка, – но все-таки перевернул карту и бросил ее на пол. Выпал «Повешенный». Сесиль Жанна рассказывала ему обо всех картах в колоде Таро. Эта означает, что в жизни нам подвластно далеко не все и иногда следует полагаться на судьбу.

Но он не станет полагаться на судьбу. Он боится одного – того, что ждет его за порогом смерти. Сначала будет чистилище: мрачное ледяное место с

крошечными камерами, где каждый ждет Страшного суда. Этот неизбежный переход внушает ему невыносимый ужас.

Он осторожно влез на стул, накинул на шею жгут из простыни. Узел находился на высоте метра восьмидесяти от пола. Ему понадобятся воля и мужество, но иначе отсюда не сбежать. Не обрести свободу. Сесиль Жанна будет очень грустить, а может, даже повторит его путь.

– Двести тридцать один... Партия окончена.

Он поднял голову к лампочке, защищенной синей решеткой, и оттолкнул стул ногой. Ткань натянулась, узел скользнул к уху. Ступни оказались в двух или трех сантиметрах от пола – немного, но более чем достаточно. Странно, но последнее, о чем он подумал, была надпись на простыне.

Илан рывком сел на кровати. В глаза ударил яркий свет из окна, и он инстинктивным движением заслонил лицо ладонью, пытаясь успокоить дыхание и сориентироваться в пространстве и времени.

Какой жуткий сон...

Который час? Сколько он спал?

Очень мало, раз чувствует себя таким разбитым. Голова тяжелая, мысли путаются. Он встает, бредет к окну, неосознанным движением обнимает себя за плечи. В комнате ужасно холодно – снова барахлит отопление. Погреться можно разве что в лучах солнечного света, проникающего по косой через стекло. Звучит мелодия Боба Дилана «Достучаться до небес» – ожил его мобильник.

В последнее время ему звонит только патрон. Илан не реагирует, он все еще во власти ночного кошмара. Сон был таким реалистичным, что каждая деталь впечаталась в память: синяя решетка на потолке, дверь без ручки с маленьким глазком, странная надпись на простыне. Ему приснилась палата психиатрической клиники, в этом нет сомнений.

Настоящая, реальная палата психушки.

Перед глазами стоит человек, накидывающий на шею петлю. Лица его Илан не разглядел, как будто камера – воображаемая, из сна – скользнула по нему всего раз, когда он натягивал на голову наволочку. Одели его как буйнопомешанного – в омерзительный синий комбинезон. В чем смысл жуткой сцены? И почему она так врезалась в память – обычно он не помнит снов?

Телефон не замолкал. Илан собрался с духом, ушел в темный угол комнаты, молниеносно натянул на себя тренировочный костюм, взял телефон и увидел незнакомый номер. Он нажал на кнопку и сел за стол перед ноутбуком, чтобы проверить почту. Ничего нового, только дебильная реклама.

– Слушаю...

Илан положил руку на батарею – холодная как сволочь!

– Илан? Это Хлоэ.

Он оторвался от экрана и начал нервно теревать в пальцах одну из фигурок ролевой игры, валявшихся на столе. Хлоэ... Он год не слышал это имя, но так и не забыл. В животе как будто бомба взорвалась.

– Хлоэ?

– Здорово, что ты не сменил номер. Как поживаешь?

– Что тебе нужно?

– У меня наконец получилось. Я нашла вход в игру. Нашла дверь в «Паранойю».

Илан поплотнее устроился в кресле на колесиках, стоявшем перед двумя компьютерами, которые круглосуточно качали фильмы с торрентов. Из трубки доносился звук работающего двигателя и возбужденный голос его бывшей подружки.

– Целый год прошел, а ты все ищешь несуществующее. «Паранойя» – миф. Коллективная иллюзия. Не могу поверить, что ты по-прежнему веришь в этот бред!

– Игра существует, она вполне реальна. И она во Франции.

Илан не сумел сдержать зевок. В последние дни он плохо спал, и усталость брала свое.

– Слушай, у меня в доме жутко холодно, так что я сейчас хочу одного – вернуться под одеяло и поспать.

– Охотишься по ночам за сокровищем? Чем занят сейчас? «Серебряной звездой»?

– Я уже почти год вкалываю на занюханной заправке, Хлоэ. Непыльной эту работу не назовешь, но на жизнь хватает. И людей иногда вижу. Единственная связь с игрой – сценарии, которые я пытаюсь пристроить. Я соскочил с крючка.

– Я в десяти километрах от твоего дома. Выиграем – заберем деньги, бросишь дурацкую работу и сможешь каждый день ходить в ресторан – если захочешь. Жди меня и... рада была поговорить.

Илан несколько секунд не мог осознать случившееся: Хлоэ Сандерс собиралась снова войти в его жизнь самым удивительным и неожиданным образом.

Он встал, шатаясь, как боксер после нокдауна. Яркий свет погас, и комнату заполонил ледяной сумрак. Он потер плечи и шагнул к окну.

Окна комнаты выходили на большой круглый сад, за которым начинались бесконечные, прихваченные морозом поля. Красивая белая пелена смыкалась у горизонта с небом. Вокруг не было ни одного дома. Маленький огород в глубине участка выглядел запущенным и весь зарос сорной травой. Отец всегда выращивал кустовые помидоры, кабачки и редиску, но после смерти родителей Илан забросил все на свете.

В том числе себя.

Он почувствовал, что промерз до костей, пошел в ванную и пустил воду. Ну конечно, ледяная. «Только бы не котел, этого я не переживу!» – мысленно воззвал он к неведомым богам домашнего очага и тут заметил, что зеркало запотело от его дыхания. Интересно было бы взглянуть на градусник, может,

температура упала до нуля? Родительский дом слишком велик для него одного, он чувствует себя здесь чужим.

Илан наскоро умылся и побрился. Ему нет и тридцати, но в таком затрапезном виде он выглядит лет на пять старше. Хлоэ всегда говорила, что его глаза напоминают разбушевавшийся океан, интересно, на что они похожи сегодня – покрасневшие от бессонницы, скучной работы и немыслимой тоски по родителям?

Он попробовал привести себя в порядок, зачесал назад отросшие волосы, заправив непослушные пряди за уши. Простые, привычные движения давались ему с трудом... Вдруг он заметил на левом предплечье странный след. Маленькую ямку, как от укуса насекомого.

Илан оттянул кожу, пытаясь разглядеть, что это такое. Ни паук, ни другое мерзкое насекомое не могло сотворить ничего подобного. Такой след оставляет игла шприца, когда берут кровь на анализ или делают укол.

Илан сбежал по лестнице, проверил дверь – все заперто, окна и двойное витражное стекло веранды тоже целы. Никто не вламывался, ключи есть только у него, все замки он поменял несколько недель назад.

Он цел и невредим, он жив.

Жив, но след на руке откуда-то взялся, так ведь? А вдруг это они?

Враги его родителей, те, кто убил их два года назад. Тени, которые приходят, как только он закрывает глаза.

Он тепло оделся, не переставая обдумывать странные события последних часов. Сон, игра «Паранойя», Хлоэ, след на руке. Слишком много для человека, ведущего размеренное, подчиняющееся рутине дней существование.

Котел в подвале раскочегарить не удалось. Пришлось звонить в службу техподдержки компании «Силамб», где дежурный диспетчер ничем его не порадовал: специалист по центральному отоплению сможет прийти только через неделю, а то и позже.

Согласовав день, Илан спросил:

– Вы знаете моих родителей? Жозефа и Анжель Дедиссет?

Ответа он не дождался – собеседник повесил трубку.

Поднявшись из подвала, он подобрал подсунутую под дверь почту, утепился и начал разбирать конверты из «Юбисофт», «Анкамы» и «Адерли», куда посылал сценарии своих видеоигр. За несколько последних лет он сочинил три оригинальные истории и сам их проиллюстрировал, но никто не заинтересовался.

Ему снова отказали. Есть от чего прийти в отчаяние. Даже не попросили прислать полный текст, не назначили встречу. Будто он и не существует вовсе.

Илан раздраженно скомкал листки и задумался о своем будущем. Всякий раз, заходя в магазинчик при бензоколонке, он начинает задыхаться, как выброшенная на берег рыба, но что еще ему остается? Без диплома хорошую работу не найдешь, тем более в индустрии видеоигр, где от любого требуют рекомендации.

Он продолжил разбирать почту и увидел две открытки, адресованные родителям: поздравления с Рождеством и Новым годом. Отец и мать официально признаны умершими, но друзья и живущие за границей коллеги продолжают писать им. Илан никак не мог собраться с силами и сообщить анонимным абонентам, что родители больше здесь «не живут».

Тел полиция не нашла – только разбитую штормом яхту. В свидетельствах, запертых в ящике стола, написано: «Смерть от утопления».

Илан неделю за неделей повторял себе одно и то же: вся эта история лишена какой бы то ни было логики. Зачем его родители, опытные яхтсмены, вышли в море, зная, что надвигается шторм? Он жил с камнем на сердце, в вечном трауре. Чтобы раз и навсегда покончить с призраками, он должен увидеть тела и с уверенностью опознать их.

Отсутствие ответов – худшее из наказаний.

«...Мы надеемся, что у вас все в порядке, желаем счастья в наступающем году, обнимаем. Будете в Таиланде, непременно нас навестите...»

Илан отложил открытку и вскрыл последний конверт. Он был адресован некой Беатрис Портинари, проживающей в Париже на бульваре Распай. На почте поставили штамп «По указанному адресу не проживает». Наверное, Беатрис Портинари недавно переехала.

Как это попало в его почтовый ящик? Илан бросил письмо на стол: надо будет отнести его на почту – потом, если не забудет.

Конверт присоединился к куче других бумаг – счетам, квитанциям, рекламным проспектам.

Сейчас у него есть дела поважнее, чем визит в отдел доставки.

На аллее хлопнула дверца машины.

За две недели до Рождества Хлоэ Сандерс, подружка, бросившая Илана год назад, неожиданно снова вторглась в его мир.

4

«Ле Дофине Либере»

«РЕЗНЯ В ГОРАХ». Автор – Ф. Фонт.

23 декабря

Этот день обещал быть обычным кануном Рождества. В такие дни люди обдумывают меню праздничного ужина, гуляют по солнышку, катаются на лыжах. Но на этой неделе жителей долины потрясло кошмарное происшествие. Во вторник утром жандармы обнаружили в высокогорном приюте «Гран-Массив», всего в нескольких километрах от Морзина и в двух шагах от швейцарской границы, восемь бездыханных тел. В этом старинном доме на острове посреди озера Иброн зимой и летом находят пристанище множество туристов.

Следствие установило, что три женщины и пятеро мужчин были убиты во сне, всех их закололи отверткой, взятой из ящика с инструментами. Предполагаемый виновник массового убийства задержан, жандармы обнаружили его сидящим на снегу за домом. Он заявил, что не виновен и не знает, кто совершил это преступление. Аджюдан-шеф Пьер Бонифас, прибывший на место преступления одним из первых, сообщил журналистам, что мужчина не помнит, как и почему очутился в горах. Сопротивления при задержании он не оказал и произвел на офицеров впечатление человека, потерявшего ориентацию во времени и пространстве.

Многие факты подтверждают виновность задержанного. Первый, и очень весомый, – отпечатки его пальцев на ручке отвертки и следы его ног в лужах застывшей крови вокруг лежащих на полу тел.

Кроме того, вещи молодого человека – рюкзак, спальный мешок, одежда – были найдены в доме, на одной из коек у правой стены, где он, по всей вероятности, провел ночь. Следы на снегу вокруг шале свидетельствуют, что никто, кроме него, не входил и не выходил после 23:00, когда, по данным местной метеостанции, закончился снегопад. В отчете о вскрытии указано, что жертвы погибли между часом и четырьмя утра, значит, убийца попал в дом накануне.

По утверждениям жандармов, предполагаемый виновник преступления впал в истерику и полностью утратил контроль над собой, когда узнал, что его подруга тоже погибла. Он потерял сознание, а когда пришел в себя, заявил, что против него составлен заговор, что его якобы пытались похитить, опутали лживыми домыслами и наветами. Он утверждал, что его подруга находится в шестистах километрах от места трагедии и с ней все в порядке. Он попросил отпустить его домой, забыв, что находится на высоте тысячи метров над уровнем моря, а его ботинки испачканы в крови убитых.

Вот такое странное и страшное дело. Умышленно ли подозреваемый отрицает очевидное или потерял память из-за шока? Лжет он или говорит правду и сам не ведает, что душевная болезнь толкнула его на убийство? Расследование обещает быть непростым.

Что же на самом деле произошло в ночь с 21-го на 22 декабря? Выводы делать рано, однако личные вещи погибших туристов (карты, компасы, схемы квеста) говорят о том, что все они участвовали в охоте за сокровищем или в ролевой игре наподобие знаменитой «Серебряной звезды». В Интернете можно найти части этой сложнейшей головоломки, которую не сумела решить ни одна команда «охотников».

Скорее всего, девять игроков отправились в горы и заночевали в шале, где и произошла загадочная драма. На данный момент это не более чем гипотеза. Расследование продолжается.

Подозреваемый в массовом убийстве человек находится под арестом в тюрьме Бонвиля.

5

Илан Дедиссет ждал Хлоэ на площадке, кутаясь в жакет из толстой белой шерсти.

В первый момент он не узнал бывшую подружку. Из длинноволосой блондинки она превратилась в брюнетку с короткой стрижкой. Сменила машину, внешний вид и стала выглядеть иначе – более зрелой, красивой, уверенной в себе современной женщиной. А вот в одежде она по-прежнему отдавала предпочтение черной коже да и двигалась все так же стремительно – то ли убегала от времени, то ли пыталась его нагнать.

Они расцеловались.

– Тебя не узнать, – сказал Илан. – Даже глаза другие...

– Голубые линзы. Стараюсь не отставать от моды.

Она окинула его внимательным взглядом.

– Знаю, знаю... – Илан пожал плечами, предварив ее замечание. – У меня тоже много перемен – и не все в лучшую сторону. Я набрал несколько лишних килограммов, но остался прежним стариной Иланом.

– Вес – ерунда, но ты очень бледный. Болеешь? Если бы я знала...

– Не болею – замерз, отопление барахлит. Работал всю ночь, вот и устал.

Илан отстранился, пропуская Хлоэ внутрь.

– Входи, сейчас сварю нам кофе.

Она направилась в гостиную, где на стенах висели большие картины, в основном пейзажи в темно-оранжевых тонах, изображающие увядание природы. С последнего визита Хлоэ здесь ничего не изменилось: Илан оставил все на своих местах, в том числе многочисленные фотографии родителей. Сам он выглядел на снимках намного моложе. Хлоэ познакомилась с Иланом за год до трагического исчезновения его отца и матери, но никогда с ними не встречалась.

– У тебя есть молоко? Я больше не пью черный.

– В чем причина таких радикальных перемен – даже вкусов в еде и интонациях голоса? Выглядишь очень... по-парижски.

– Жажда обновления, – объяснила Хлоэ. – Времена меняются, и я вместе с ними.

Комнаты с высокими потолками выглядели слишком большими и слишком пустыми. По углам висела паутина, некоторая мебель была закрыта простынями.

Хлоэ поправила шарф, села на диванчик и сделала глоток горячего кофе. Илан устроился напротив нее и с места в карьер задал наболевший вопрос:

– Почему ты ушла, ничего не объяснив? Мне, между прочим, было очень больно.

Хлоэ обняла чашку ладонями, чтобы согреть пальцы. Илан заметил, что она перестала грызть ногти, они были длинными и ухоженными.

– Слушай, я пришла не затем, чтобы обсуждать нашу прошлую жизнь, и ранить тебя тоже не хочу. Поиски, связанные с «Паранойей», – наше общее дело. Я расскажу, что раскопала, а ты сам решишь, как поступить.

Илан глотнул кофе, и по телу разлилось блаженное тепло.

– Я же сказал по телефону, что завязал. Из-за игр моя жизнь превратилась в бардак, мне скоро тридцать, а я работаю на убогой заправке. Продавать кофе дальнобойщикам в четыре утра – не самое веселое и совсем не виртуальное занятие, можешь мне поверить. «Паранойя» не имеет ничего общего с реальным миром, и она меня больше не интересует.

– А награда в триста тысяч евро – как минимум! – обещанная победителю, интересует? Деньги – вещь материальная.

– Нет ни трехсот тысяч, ни победителя. «Паранойя» – одна из городских легенд, путешествующих с сайта на сайт. Кто в ней участвовал? Кому известно что-нибудь, помимо обещания «пережить самый большой страх в жизни»? Милое дело... Мы больше года пытались найти хоть какую-нибудь лазейку, просиживали ночи напролет перед экранами компьютеров, сворачивая мозги набекрень, – и ничего не обнаружили.

– Что было, то было.

– А потом в один разнесчастный день загадочные незнакомцы, игравшие с нами в прятки, объявили, что «Паранойя» – обманка, миф! Они здорово повеселились.

– Заявление о том, что «Паранойи» не существует, было частью игры, Илан, своего рода отбором, игрой в игре. Многие – ты в том числе – разочаровались и отвалились, и теперь только самые упертые ищут настоящий вход в «Паранойю». Игра повсюду, нужно только взглядеться повнимательней.

Илан был заморожен взглядом непривычно голубых глаз Хлоэ, но думал он не о ее новом облике, а о том, насколько глубоко она увязла во всех этих глупостях.

– Ты была уверена, что виртуальный мир никогда никого не отпускает, но я вырвался и теперь живу реальной жизнью. Я, а не мой аватар. С игрой меня связывают только мои сценарии.

– Ни один из которых ты пока не пристроил.

– Спасибо, что веришь в меня.

– Такова суровая реальность. Тебе психиатр помог сорваться с крючка? Редко кому удастся избавиться от пристрастия к играм и охоте за сокровищем самостоятельно. Думаешь, что бросил, а на самом деле...

Илан покачал головой.

– Допивай кофе и уходи, – раздраженно произнес он. – Внешне ты, конечно, изменилась, но в душе осталась той же.

– Ты меня не прогонишь. Я проехала сто километров, чтобы сюда добраться, так что останусь и покажу, что нашла.

Хлоэ открыла ноутбук и попыталась подключиться к Wi-Fi.

– Я сменил пароль.

– А как же доверие? Ладно, тогда... – Она встала. – Твой ноутбук в спальне?

Хлоэ направилась к лестнице, но Илан преградил ей путь.

– Не стоит.

– Там что, женские тряпки или фотография девушки? Мне плевать, ты имел право начать новую жизнь.

– Знала бы ты, на что она похожа, моя жизнь!

Хлоэ усмехнулась:

– Я видела машину, когда подъезжала к дому. Водителя за тонированными стеклами не разглядела, но готова спорить, что это была прелестная молодая женщина.

– Что за машина?

Хлоэ задумалась.

– «Ауди», большой, кажется, черный, думаю, ты знаешь. Высоко летаешь, Илан! Где она работает?

Илан онемел. Рядом с его домом нет других строений, ведет к нему дорога, длиной в километр, ответвляющаяся от коммунального шоссе, и никаким машинам тут делать нечего. Он машинально потер то место на руке, где утром обнаружил странную ямку.

Кто-то за ним следит. Теперь он совершенно уверен, что этот кто-то побывал в доме. Тени существуют, они не плод его воображения.

Все двери и окна были заперты и закрыты, так как же неизвестный проник внутрь?

– Я сейчас вернусь, – сказал он. – Пароль – «Катондутик»[5 - От имени Марка Порция Катона, известного также как Катон Утический (95–46 до н. э.). Древнеримский политический деятель, проповедник строгих нравов, лидер аристократии в сенате, принципиальный противник Цезаря и видный философ-стоик. После самоубийства в осажденной Цезарем Утике стал символом защитников республиканского строя.], можешь набрать.

Он пулей взлетел на второй этаж, ввалился в ванную, осторожно снял висевшее над раковиной зеркало, за которым был устроен тайник, достал коричневый крафтовый конверт, заглянул внутрь и облегченно вздохнул.

Секретный блокнот отца никуда не делся. Все страницы были чистыми – кроме той, что находилась в самой середине. На ней цветной тушью был сделан загадочный рисунок – пейзаж с горами, соснами, радугой, озером и островком в левой его части. Радуга была особенная: три полосы разных оттенков голубого цвета, одна желтая и одна оранжевая. Автор рисунка находился на мосту или на скале. Сделанная внизу подпись гласила: «Здесь царит Хаос, но на вершине ты обрешь равновесие. Там ты найдешь все ответы».

В самом конце страницы находился столбик крошечных, едва различимых цифр:

Н 470

Н 485

Н 490

Н 580

Н 600

Родители Илана были учеными-неврологами и до исчезновения работали в Гренобле, возвращаясь домой только на выходные. Илан понятия не имел, чем конкретно занимаются отец и мать, но незадолго до гибели в открытом море они рассказали, что сделали ряд революционных открытий, в том числе о механизмах памяти и феноменах забвения. Илан хорошо помнил, какими серьезными и спокойными были их лица, выражавшие одновременно радость и скрытое беспокойство.

Сегодня никому не известно, как супруги Дедиссет поступили со своим открытием, где спрятали результаты. Илан был уверен, что отец, имевший основания опасаться за жизнь и безопасность семьи, сознательно зашифровал в

рисунке место, где находится тайник.

Возможно, по этой же причине Дедиссет-старший хранил в глубине шкафа пистолет.

Они чего-то боялись. Или кого-то.

Илан вернулся к странной, практически не поддающейся пониманию карте сокровищ. Он пробовал разгадать рисунок почти два года, но так и не понял ход мыслей отца, который приохотил его к головоломкам, шарадам и ребусам. Дело родителей – попытка постичь природу памяти – оставалось для Илана тайной за семью печатями.

Здесь царит Хаос, но на вершине ты обретишь равновесие. Там ты найдешь все ответы.

Почему отец не оставил ему ни малейшей подсказки? Он все перепробовал, прошерстил в Интернете тысячи фотографий, пытаясь определить местоположение изображенного на рисунке пейзажа, искал связь с цифрами. Что означает буква «Н»? Почему числа расположены именно в таком порядке? Зачем отец изобразил радугу странной расцветки, если на листке нет ни капель дождя, ни солнца, то есть и радуге по идее взяться неоткуда?

Рисунок и цифры «колоться» не желали.

Илан бережно положил блокнот в конверт и убрал его в тайник. Никто, кроме Хлоэ и, возможно, нескольких коллег родителей, которым они полностью доверяли, не знал о существовании блокнота. Загадка рисунка оказалась не по зубам даже бывшей подружке Илана – лучшей из искателей сокровищ.

Что открыли его родители? Волшебное лекарство, способное совершить революционный переворот в медицине? Могли они создать новые теории о механизме функционирования памяти? Почему отец и мать засекретили свою работу и – главное – где они спрятали документы?

Какие мрачные тайны скрывает странная карта?

Илан пошел вниз.

Хлоэ ждала его у лестницы, и на лице у нее было написано очевидное нетерпение.

6

Хлоэ поставила ноутбук на столик, экраном к креслу, и опустила жалюзи, чем немало удивила Илана.

– Дурная привычка, – объяснила она. – С некоторых пор предпочитаю работать в темноте.

Она устроилась рядом с ним – совсем как в старые добрые времена, когда они все вечера и ночи напролет проводили в Интернете. Илан молчал, не зная, как реагировать: она появилась из ниоткуда, все такая же красивая, но совсем другая, снова причинила ему боль и даже не поняла этого. Хлоэ пребывала где-то далеко, в собственном мире...

Она запустила поиск.

– У тебя анонимный ай-пи-адрес?

– Да, а это важно?

– Так надежней... Береженного Бог бережет. Лично я больше не свечу мой ай-пи где ни попадя.

Хлоэ набрала адрес. Ее пальцы с завораживающей скоростью порхали по клавиатуре. Страница загрузилась.

– Это официальный сайт Антверпенского зоопарка, – объяснила Хлоэ. – Не буду рассказывать, как на него вышла, – после нашего расставания произошла куча разных вещей.

Илан из последних сил сдерживал проснувшегося в животе демона. Отказаться от игры оказалось куда труднее, чем бросить курить. «Паранойя» была парадоксальной смесью виртуальной и реальной жизни без какой бы то ни было концепции и конечной цели. Она существовала, не существуя, подпитываемая слухами, и никто не знал, по каким правилам ведется игра и чем должна закончиться. Возможно, никто – ни один человек – толком в нее не играл.

Где находится вход в «Паранойю»? А выход? Нет ответа. Есть только обещание: однажды, в нужный момент, игра «проявится», и человек, осмелившийся встретиться лицом к лицу со своими страхами, получит выигрыш – триста тысяч евро.

Илан молча следил за манипуляциями Хлоэ, вспоминая, как часто он мечтал о ее возвращении.

Она крутанула колесико мышки.

– Вот, смотри внимательно: статья об исчезновении двух черных лебедей.

Илан пробежал глазами строчки сообщения. Констатация факта: птицы испарились без следа, и никто ничего не заметил.

– Ладно, – сказал он. – Черные лебеди – эмблема «Паранойи», но это простое совпадение, не более того.

– Хитрость в том, что в Антверпенском зоопарке никогда не было черных лебедей, я проверяла.

Задетый за живое, Илан поставил чашку на стол и вернулся к экрану. Хлоэ действительно отыскала лазейку на «дружественном» сайте, потайную дверь,

открывающую доступ к невидимым ступеням игры.

Молодая женщина подвела курсор к строчке.

– Здесь сказано: «Если вы располагаете информацией о лебедях, пишите на адрес tibre@zooanvers.be». Я написала.

Это была одна из главных характеристик игр в альтернативной реальности: связь между фиктивным миром и миром реальным. Осуществлялась она через адреса электронной почты. Чтобы связаться с виртуальной игрой, Хлоэ использовала предметы реального мира – компьютер и свой адрес.

– Мне ответили через час, по-английски. Предложили следовать «знакам» – пишется з, н, а, к, а, м. Возможно, они находятся во Франции, в западной ее части. Следы неясные, намеки завуалированные – сам знаешь, как это делается. Я рыла, рыла, копала везде, где только можно, прыгала из «норы» в «нору» – то еще было удовольствие.

Илан не сводил глаз с девушки. Хлоэ была захвачена своими открытиями, игры в альтернативной реальности поглотили все ее внимание. В таком состоянии человек перестает общаться с друзьями, забывает обо всем, преследует единственную цель: погрузиться в пучину игры. Стать игрой, чтобы победить.

Хлоэ достала из кармана листок с отпечатанным на нем текстом.

– К счастью, мои усилия были вознаграждены, я нашла вот это послание, на сей раз на французском.

Илан прочел вслух:

– «От Этой Красивой Арии на Два Голоса у пятьдесят шестой лунки для гольфа пересечешь Армор и пройдешь мимо Жанны д'Арк. Если не собьешься с дороги, ищи Толстяка, в день „Д“ [6 - Военный термин, обозначающий условное время начала какой-либо операции, реальный срок которой может по разным причинам неоднократно сдвигаться. Во французском языке это le jour «J», в английском – Day «D» (D-Day).] он будет ценнее семи десятых Фортуны. В содержимом вместилища пройди через дверку».

Илан почувствовал дрожь возбуждения. Хлоэ хорошо знала все его слабости и подобралась исподтишка, подсунув текст новой загадки.

Он сделал попытку сменить тему:

– Как твои занятия психологией? Надеюсь, ты не бросила все на свете ради дурацких поисков?

– Если хочешь знать, дела у меня идут как никогда хорошо, просто отлично. – Хлоэ кивком указала на листок. – Не знаю, сколько человек добрались до этого уровня, но вряд ли много, учитывая, что загадки становятся все сложнее. Тем лучше: «золотое дно» будет доступней. Давай, соберись и скажи, что видишь в этом письме.

– У тебя уже есть ответы, так?

– Удиви меня.

Илан понял, что ему ее не переупрямить, и нехотя перечитал текст. Некоторые выводы пришли в голову мгновенно: в подобных посланиях заглавные буквы часто имеют важное значение.

– «Эта Красивая Ария на Два Голоса»: пять слов, пять заглавных букв. Похоже на почтовый код. Соединяем буквы и получаем ЭКАДГ. Если А принять за 0, Б за 1, можем вычислить код.

Он взглянул на Хлоэ и понял, что находится на верном пути.

– Город, в Финистере, отправная точка. Угадал?

Она ободряюще улыбнулась:

– Географический код INSEE[7 - Географический код INSEE – во Франции числовые или буквенно-числовые коды, которые выдает Национальный институт статистики и экономических исследований.] коммуны Одьерн, если быть точным.

Илан поднялся и начал ходить из угла в угол, скрестив руки на груди.

– «У пятьдесят шестой лунки для гольфа»... В гольфе всего восемнадцать лунок. Пятьдесят шестая – это Морбиан. Залив Морбиан, скорее всего, отправная точка. Думаю, то, что ты ищешь, находится в Бретани, где-то между заливами Морбиан и Одьерн.

Мозг Илана заработал на ускоренных оборотах. Он потер ладони и сел.

– Хватит играть в прятки – расскажи, что нашла.

– Рада, что твоя заточенность на географию никуда не делась.

– Ерунда. Это классика.

Хлоэ вывела на экран карту Бретани.

– Классика, верно, но ты ведь понимаешь, что «Паранойю» не расщелкаешь, как орешек. Все значительно сложнее. Я искала дни, недели напролет. Смотри внимательно: между этими двумя точками на карте нет ничего, связанного с Жанной д'Арк, а Кот-д'Армор находится намного севернее. Это обманка. На самом деле указания не имеют ничего общего с Бретанью, тут-то и кроется главная хитрость. Если мыслишь узко, будешь искать месяцами, даже годами и ничего не найдешь.

Хлоэ щелкнула мышкой, и на экране появился остров с величественными заснеженными горами на заднем плане. Место выглядело необитаемым и жутко неприветливым.

– Это один из островов архипелага Кергелен, французское владение в южной части Индийского океана. Там есть еще один пролив Морбиан и место под названием «бухта Одьерн». Названия были даны неким Раймоном Ралье дю Бати, уроженцем Бретани, который в двадцатом веке плавал в тех краях. На самом крупном из островов есть база Порт Жанны д'Арк и база Армор.

– Надо же, Индийский океан, как я не догадался... Тебе по-прежнему нет равных.

Хлоэ одарила его летящей улыбкой – той, из прежних времен. Илану все нравилось в этой женщине, но окончательно его покорила именно ее улыбка.

Произошло это на финале «The Code», интерактивной игры, которую три года назад запустила Би-би-си. Ни один из них тогда не выиграл, и они «обмыли» поражение в английском пабе. За «Гиннесом» последовало продолжение.

– Я звонила по телефону, писала, рыскала по Интернету. Искала Толстяка и наконец наткнулась на открытку с изображением корабля, стоящего на якоре близ Кергелена. Когда-то он назывался «Толстяк». Другое судно, часто заходившее в эти порты, носило имя «Фортуна»[8 - «Толстяк» и «Фортуна» – корабли французского моряка Ива Жозефа де Кергелена. В 1771 году он возглавил экспедицию, открывшую 13 февраля 1772 года острова Кергеленовой Земли (ныне – архипелаг Кергелен).].

Илан перечитал часть письма, имевшую отношение к рассказу Хлоэ:

– «...ищи Толстяка, в день „Д“ он будет ценнее семи десятых Фортуны». Ты нашла «Толстяка» и «Фортуну». Это корабли. Что дальше?

– Загадка становится все заковыристей. Давным-давно «Почта Франции» выпустила две марки с изображением этих кораблей: та, что с «Толстяком», стоила три франка шестьдесят сантимов, с «Фортуной» – пять франков.

– Дороже семи десятых... – быстро подсчитал в уме Илан.

– Точно.

Он представил себе, сколько часов, даже дней, Хлоэ потратила на поиски, как много бессонных ночей она провела, чтобы добиться результата... Ее работа увенчалась успехом, но отняла слишком много сил: игра сжигала ее изнутри.

– Я убила кучу времени, разгадывая конец, никак не могла разобраться с днем «Д» и точным временным указанием. Как может варьироваться цена марок, что значит: «в день „Д“ он будет стоить дороже, чем семь десятых»?

– Цена меняется при перепродаже, в коллекциях или на филателистических биржах?

Хлоэ перешла на другой сайт и показала Илану взятые в рамки марки и внутренность какого-то корабля.

– Угадал. Через два дня в Париже, на барже, стоящей на приколе на набережной Сены у авеню Президента Кеннеди, состоится большая выставка-продажа редких марок.

Баржа «Abilify» выглядела невероятно элегантно и роскошно.

– Две эти марки, скорее всего, тоже будут выставлены на продажу, – сказала Хлоэ. – Это входная дверь в игру. «Паранойя» в Париже и ждет только нас. Мы не можем упустить этот шанс.

Илан рывком вскочил со стула:

– Мне очень жаль, но я не хочу снова во все это влезать.

Хлоэ поднялась, подошла к буфету, на котором стояла прозрачная коробочка с маленьким метеоритом.

– Мы выиграли его вместе. Помнишь ту «охоту» в Оверни? Мы получили пять тысяч евро и этот камешек. Красивая была победа, согласен?

– Да, но в те времена все было хорошо. У нас с тобой...

– Сейчас на кону триста тысяч евро! «Паранойя» в десять, в сто раз увлекательней всех игр, вместе взятых, Илан. Это поиск Грааля. Правила неизвестны, участникам обещана встреча с собственными страхами. Не желаете ли глоток адреналина, мсье?

– После смерти родителей я по горло нахлебался не только страхов, но и всяких ужасов и кошмаров.

Хлоэ ходила по комнате, печатая шаг, как на параде.

– Хотела бы я знать, как они за это возьмутся. Чего ждут от игроков. В чем смысл и суть игры.

Илан едва справлялся с растущим раздражением: заявила как ни в чем не бывало и хочет вновь разжечь азарт, который он с таким трудом затушил.

Хлоэ подошла, взяла его за руку:

– Ничего сейчас не говори и хорошо все обдумай. Я буду на барже через два дня. Если решишь присоединиться, сделаем вид, что незнакомы, чтобы иметь больше шансов на успех.

Илан взглянул на ее длинные пальцы с идеально ухоженными ногтями:

– У тебя ледяные руки.

Хлоэ резко отстранилась, вернулась к столику и закрыла ноутбук.

– В пятницу, Илан, не забудь.

– Я не приду. После исчезновения родителей я даже на изображение корабля смотреть не могу. Прости...

Хлоэ поймала его взгляд, и Илану снова показалось, что перед ним совсем другая, незнакомая голубоглазая женщина.

– Ты спрашивал, как обстоят мои дела с занятиями по психологии. Когда мы расстались, кое-что произошло, и моя жизнь стала совсем другой.

– Ты поэтому изменила внешность?

– Обещаю все объяснить, если продолжим вместе.

– Продолжим? Что именно мы продолжим?

– Приключение. Игру.

– Да понял я, понял. Считаешь, что имеешь право снова вломиться в мою жизнь, и даже не хочешь объяснить, почему бросила меня?

– Я знаю, что причинила тебе боль, но пришла не затем, чтобы извиняться. Мне тоже пришлось несладко. Я хочу, чтобы все было по-честному, ведь мы оба заслуживаем победы.

Хлоэ пошла к двери, но задержалась перед фотографией родителей Илана.

– Полиция нашла тела?

Илан покачал головой.

– Мне очень жаль.

– Ничего.

– А что с отцовским дневником? Ты понял смысл загадки?

– Пока нет.

– Я бы хотела снова посидеть над ней в ближайшие дни – может, удастся посмотреть свежим взглядом и понять, что к чему.

– Забудь, Хлоэ.

– Прошло два года, но ты остался при своем мнении, я права? Считаешь, что против них был составлен заговор, что они вели секретные исследования и где-то спрятали документы?

Илан поморщился – ему не понравился тон. Он проводил ее до двери.

– К психиатру я не обращался – если ты об этом так... «изящно» спрашиваешь. Мне не понадобилась помощь – я сам завязал с играми, и у меня нет... паранойи, хотя ты, судя по всему, думаешь иначе.

– У меня ничего подобного и в мыслях не было, просто ты всегда верил в теорию заговоров и...

– Заговор существует. Мои родители никогда не вышли бы в море в штормовую погоду. Их заставили. Убили. Рано или поздно правда выйдет наружу, а насчет твоих намеков... если не заметила – я прекрасно справляюсь один.

Хлоэ покрутила на пальце ключи от машины.

– Состояние дома говорит об обратном. Напоминает жилище призрака. Мебель укрыта простынями... Не думал отреставрировать фасад, отремонтировать комнаты, чтобы было меньше похоже на... морг? Ты же сам рассказывал, как дорого он дался твоим родителям, как они его любили. Я всегда мечтала с ними познакомиться, но ты так и не позволил нам встретиться. Почему?

Илан молча пожал плечами.

Хлоэ исчезла так стремительно, что он подумал: «Уж не помешалось ли мне?»

Вернувшись в гостиную, он обнаружил на столике приглашение на «Abilify» с припиской на обороте: «Я очень на тебя рассчитываю».

Выходит, не помешалось.

Илан быстро шел по авеню Президента Кеннеди, сунув руки в карманы и спрятав нос в шарф.

Наступившая зима обещала быть суровой, в некоторых районах страны уже выпал снег. Метеорологи предсказывали в ближайшие дни резкое понижение атмосферного давления, усиление ветра и осадки на всей территории Франции.

Илан посмотрел на Сену – вода была лениво-густой, как в реках подземного Тартара[9 - Тартар в древнегреческой мифологии – глубочайшая бездна, находящаяся под царством мертвых бога Аида, куда Зевс низвергнул титанов. Реки Тартара: Стикс – река забвения, Коцит – река плача и стенаний.]. Прямо перед ним тысячей огней сверкала Эйфелева башня, единственный островок тепла в зябких сумерках.

Илан любил таинство вечера, действие его сценариев часто происходило в темное время суток, но сегодня ему было неуютно в родном городе. Встреча с Хлоэ растревожила душу, разбередив старые раны, он почти не спал и все время вспоминал искусственную голубизну ее глаз. Зачем она так радикально изменила внешность? Неужели хотела вытравить из памяти прошлое, в том числе их роман?

На одних баржах света не было, на других кипела жизнь. Целые семьи или одинокие мужчины и женщины населяли «Anastase II», «Calvacante», «Farinata». Илан зябко поежился, подумав о родителях. Они любили корабли, жизнь в ритме волн и течений и редкие часы свободного времени проводили на побережье Нормандии, в Онфлере – выходили в море на яхте «Hudson Reed» и ловили рыбу.

В мозгу Илана всплыли душераздирающие картины: разбитая в щепки носовая часть яхты, переломанные мачты, его мать кричит, зовет на помощь, захлебывается, апокалиптические волны переворачивают тело отца, как тряпичную куклу, утягивают на дно. Илан видел снимки, сделанные полицейскими. Он ужасно горевал из-за того, что тела родителей так и не нашли – по официальной версии. Сцены крушения снились ему каждую ночь, не давая обрести покой.

21:10. В полночь начинается его смена на автозаправке. Илан плохо себя чувствовал: болело горло, ладони вспотели, но были ледяными, несмотря на перчатки. Он подошел к «Abilify», очень красивой, белой с синим барже, где проходил прием. На палубу вели узкие мостки. В узком проходе вдоль борта стояли люди в костюмах и тяжелых пальто с бокалами шампанского в руках. Илан показал присланное Хлоэ приглашение, и его пропустили. Под стеклянной крышей гостей встречали две распорядительницы в униформе.

– С вами все в порядке, мсье?

– Да, спасибо. Мы останемся у причала?

– Конечно. Добро пожаловать на «Abilify».

Наверное, девушек насторожила его бледность. Хорошо, что судно не раскачивается и крепко-накрепко пришвартовано к берегу. Гарсон предложил Илану шампанского, и он с удовольствием выпил. На стойке лежала пачка экземпляров «Паризьен», Илан машинально взял газету, скатал ее в трубочку и зажал в левой руке.

Алкоголь сделал свое дело: Илан расслабился. Корабль надежный, ничего с ним не случится. Шум, тихая музыка и человеческое присутствие окончательно его успокоили.

Что он делает на этом судне? Если баржа – логово «Паранойи», кто входит в команду организаторов игры? Распорядительницы, охранники, гости? Когда начнется схватка за триста тысяч евро?

Прежде чем принять решение, идти или не идти на вечеринку, Илан долго шарил по Интернету, пытаясь узнать, кто ее устраивает, но ничего не нашел. Название баржи тоже не навело его на след: организаторы отлично все замаскировали – даже в Интернете. Кто оплачивает шампанское и птифуры? Интересно, приглашенные – настоящие филателисты, потенциальные игроки или сообщники организаторов? Илан вспомнил слоган «Паранойи», фигурировавший на разных полузакрытых форумах: «„Паранойя“ – игра неограниченных возможностей. Вы осмелитесь бросить вызов вашим глубинным страхам за триста тысяч евро?»

Лестницы вели в отсек, превращенный в выставочный зал. Огромное, ярко освещенное помещение было битком набито посетителями. Женщины в ярких вечерних платьях, мужчины в элегантных костюмах. Илан не поверил своим глазам, увидев цену некоторых марок с тремя, а то и с четырьмя нулями.

Он начал пробираться через толпу и тут увидел Хлоэ. Его бывшая подружка пила шампанское и с самым естественным видом рассматривала марки. На Хлоэ были

черные бархатные брюки и длинный редингот, короткие волосы она зачесала назад и, против обыкновения, сильно нарядилась. Выражение лица у нее было очень веселое.

– «Basel Dove»[10 - «Базельская голубка» – первая и единственная почтовая марка швейцарского кантона Базель. Выпущена 1 июля 1845 года. Находилась в почтовом обращении до 30 сентября 1854 года.]. Десять тысяч триста евро. Мой лимит – триста евро. Это швейцарская марка.

– Я знала, что ты придешь, – сказала Хлоэ.

– Забежал между делом.

Она бросила на него оценивающий взгляд:

– Тебе не кажется, что туристские ботинки не подходят ко всему остальному? Мог бы сделать над собой усилие...

Илан глотнул шампанского и перешел к следующей витрине.

– Извини, если огорчил, но мне так удобней. Кстати, всем плевать на мои ботинки. И так?

– Здесь повсюду камеры.

Илан обвел взглядом потолок и стены.

– Наоми Фе вон там, в углу. Эта стерва вечно путается под ногами. Кажется, она меня не узнала.

Илан пришел в бешенство и начал искать глазами маленькую, истыканную пирсингом брюнетку.

– Если хищник здесь, значит и добыча где-то поблизости. Хороший знак – ты не ошиблась, взяла правильный след.

– Да уж конечно. Они второй раз за час ставят «Лебединое озеро» в качестве музыкального фона.

Илан посмотрел на колонки, висевшие рядом с камерами наблюдения.

– «Лебединое озеро»... А у них есть чувство юмора.

– В отличие от Фе. Она терпеть нас не может и будет по мере сил вставлять палки в колеса.

Они продолжили осмотр, напустив на себя независимо-безразличный вид. Еще одна бесценная марка: «Navlane». Илан поставил пустой бокал на поднос официанта и тут же взял следующий.

– «...ищи Толстяка, в день „Д“ он наверняка будет ценнее семи десятых Фортуны. В содержимом вместилища пройди через маленькую дверку». Ты поняла конец? Нашла маленькую дверку?

Хлоэ убедилась, что рядом никого нет, и сказала:

– «Толстяк» и «Фортуна» где-то здесь, в зале, это точно. Больше ни одного знака или указания. Если считать, что «вместилище» – это баржа, то что такое «содержимое»? Этот зал? Помещение внизу? Корабль огромный, дверей полно, но все закрыты на ключ. Нужно во что бы то ни стало найти «маленькую дверку» до окончания вечеринки, иначе все пропало.

– Ты вычислила других потенциальных игроков, кроме Фе? Каких-нибудь типов, которым здесь не место?

– То есть таких, как мы с тобой? Нет. Слишком шумно, люди приходят, уходят, совсем как в улье.

Илана толкнули в спину, и он пролил шампанское на куртку. Мимо него к выходу быстро прошла женщина. У подножия лестницы она оглянулась и встретилась взглядом с Иланом, выхватив его из толпы. Высокая, темноволосая, стройная, одета как рокерша.

– Ты ее знаешь? – спросила Хлоэ.

– Впервые вижу.

– Мне так не показалось.

– Говорю тебе, мы никогда не встречались! – раздражился Илан, глядя на липкий подтек.

– Туалет внизу, я останусь здесь, а ты сходи замой пятно и заодно обыщи помещения, если удастся. Первый, кто что-то обнаружит, пошлет эсэмэску. И прекрати таскаться повсюду с этой газетой. – Хлоэ кивнула на номер «Паризьен» в руке Илана. – Вечно ты подбираешь всякую дрянь...

Она ушла, он направился на палубу и увидел Наоми Фе, беседовавшую с седым мужчиной. Илан решил обострить ситуацию.

– Будьте осторожны, – сказал он пожилому спутнику Наоми. – Она ложится с вами в койку, получает что хочет и отваливает.

Лицо мужчины сделалось до крайности изумленным. «Богатей, – подумал Илан. – Дорогие часы, костюм сшит на заказ». Наоми прошептала несколько слов на ухо своему компаньону, тот кивнул и удалился. Она спокойно достала из сумочки пачку дорогих сигарет, прикурила, затянулась и выпустила дым в лицо Илану.

– Любишь марки? – поинтересовалась она. – Я не знала.

У Наоми Фе были бездонные черные глаза, пирсинг на ушных раковинах и в левой ноздре. На вид Илан дал бы ей лет двадцать пять – двадцать шесть, хотя точно мог сказать одно: она жестокая хищница и самый серьезный соперник в игре. Наоми участвовала в «поисках сокровищ» не только из любви к искусству – она жила на выигранные деньги, потому и защищала свою территорию, как бешеная собака. Молодая женщина повернулась спиной к собеседнику, оперлась о леер и устремила взгляд на огни столицы.

– Я узнала Сандерс. С чего ей вздумалось менять внешность? Скрывается от кого-то?

– Зато ты у нас враг перемен, – съязвил Илан, – по-прежнему выглядишь как недоделанный мальчик.

– Не сомневалась, что ты окажешься поблизости. Вернулся в строй? Включился в гонку? В Сеть ты давно не выходил.

– Никуда я не вернулся. Занимаюсь другими делами.

– Тогда зачем сюда появился?

– Марки люблю...

Несмотря на невысокий рост, эта женщина была опасна, как Черная вдова.

– А ты вроде поправился, – сказала она, не оборачиваясь. – Не смущайся, от антидепрессантов все толстеют.

– Давай обойдемся без банальностей и поговорим о деле. Нашла вход?

– А ты?

– Возможно...

На сей раз Наоми посмотрела на Илана в упор и фыркнула:

– Я больше с тобой не сплю, Дедиссет, но точно знаю: блефуешь! От тебя за версту несет враньем.

Илан инстинктивным движением сжал в кулаке газету, и взгляд Наоми вдруг изменился. Она выбросила недокуренную сигарету в черную воду реки и прошипела:

– Наши дорожки еще могут пересечься, Илан, так что береги спину. И передай привет родителям.

– Какая же ты тварь!

Она вернулась на палубу и присоединилась к седовласому. У Илана расходились нервы: Наоми была той еще мерзавкой, однажды она провела с ним ночь, а утром украла все, что он накопал для игры, и смылась.

Илан тогда поклялся себе, что непременно отплатит обманщице ее же монетой.

Возможно, «Паранойя» даст ему такой шанс.

Он отправился в туалет, бросил газету в урну и умылся холодной водой. Мигрень, разыгравшаяся было в начале вечера, прошла совершенно, – видимо, спокойная атмосфера этого места подействовала на него благотворно. Салфеток Илан не обнаружил, полез за носовым платком, и из кармана выпала какая-то бумажка. Он подобрал ее, развернул и прочел:

За вами наблюдают. Это все что угодно, только не игра. Не ввязывайтесь. Я знаю ответы и помогу вам открыть правду.

Б. П.

Илан сразу вспомнил женщину – брюнетку в мотоциклетном прикиде, – которая толкнула его в выставочном зале. Наверняка это она сунула ему записку. О какой правде идет речь? Кто она, почему хочет помочь?

Илан отправился на нос баржи, исподтишка вглядываясь в лица окружающих. Возможно, незнакомка все еще здесь. Он спустился по трапу на набережную. Почему эта женщина исчезла, не поговорив с ним? Боялась привлечь к себе внимание?

Кто за ним наблюдает?

Наверное, тени.

Это все что угодно, только не игра. Она точно имеет в виду «Паранойю». Если это не игра, тогда что же?

Илан вернулся к барже и увидел, как Наоми Фе бежит по трапу с зажатым в руке экземпляром «Паризьен». Она повернула направо, села на скутер и умчалась.

Илан застыл на месте, повторяя про себя последнюю фразу загадки: В содержимом вместилища пройди через маленькую дверку.

Он достал мобильный и заледеневшей рукой набрал сообщение Хлоэ: «Я нашел дверь. Будешь уходить, захвати экземпляр „Паризьен“. Жду тебя на улице Ранла».

8

Илан стоял в темноте у решетчатой ограды Дома Радио и нервно теребил в руке записку, найденную в кармане куртки. Он натянул шапочку пониже на лоб, поднял воротник и зябко поежился. Заметив Хлоэ, он шагнул вперед, схватил девушку за руку и потянул к себе.

– Что случилось, Илан?

Он повел ее не на улицу Ранла, а на улицу Буленвилье, где оставил машину.

– Предпочитаю не рисковать... – Он незаметно оглянулся. – На барже за нами наблюдали.

– Наблюдали? Кто?

Илан протянул Хлоэ записку.

– Там были камеры наблюдения.

– Конечно, там марок выставили на сотни тысяч евро. И не забывай об игре. Организаторы, само собой разумеется, интересуются потенциальными кандидатами.

– Прочти.

Хлоэ быстро пробежала текст глазами, изменилась в лице и спросила:

– Где ты это взял?

– В кармане куртки. Возможно, нам следует остановиться. Все слишком странно и наверняка опасно.

Хлоэ замедлила шаг, но ничего не сказала, только нервным движением сунула руки в карманы.

– Почему ты молчишь?

– Почему? Ты еще спрашиваешь? Да ведь на этой бумажонке твой почерк! – Она вздохнула. – Что все это значит? Во что ты играешь?

Он смотрел на листок и не верил своим глазам. Хлоэ права, почерк действительно похож на его собственный. Наклон, закругления – Илан с детства очень хорошо рисовал, а вот писать прямо так и не научился.

Он спокойно убрал записку и сказал:

– Это значит, что интрига гораздо сложнее, чем я думал.

Они подошли к машине Илана, и тут он заметил, как странно девушка на него смотрит.

– Что такое? Думаешь, я схожу с ума? Сам написал эту ерунду, сам запихнул ее в карман, чтобы привлечь к себе внимание?

Хлоэ не стала отвечать и села на переднее сиденье. Илан закрыл двери и включил отопление. Термометр показывал температуру «за бортом»: -4 °С. Хлоэ расслабилась.

– Иногда люди действуют неосознанно. Такое поведение – часть психического процесса, который...

– Ты заделалась психиатром?

– Не глупи. Мы оба знаем, как тебя потрясло исчезновение родителей и как это повлияло на наши отношения.

Илан снял куртку, закатал рукав джемпера и показал ей след от укола на руке.

– А это я тоже сделал сам? Я брежу? У меня в доме нет ни одного шприца, Хлоэ. Я ни разу в жизни не делал себе укола. Все это необъяснимо.

Девушка несколько секунд разглядывала красно-лиловую отметку, потом сказала:

– Я заметила, как брюнетка толкнула тебя в выставочном зале, посмотрела в упор и поторопилась уйти. Вчера утром на подъездной аллее к твоему дому стояла большая черная машина – «ауди». Вокруг действительно крутятся какие-то люди, и я хочу тебе верить, Илан.

Они смотрели друг на друга и молчали. Илану показалось, что Хлоэ не знает, как поступить – немедленно уйти или продолжить разговор.

– Чего от тебя ждут? Что им нужно?

Илан машинальным жестом потер руку.

– Это наверняка связано с исследованиями моих родителей. В последнее время я кожей чувствую слезку.

Ему показалось, что в глазах Хлоэ промелькнул ужас. Как будто ее это тоже касается. Или она просто боится за него?

– Ты кого-нибудь заметил? – расстроенно спросила она.

– Нет, но ощущения странные. Непонятные звуки в саду – стук, шорохи, кто-то звонит по мобильному и молчит. Но самое неприятное...

Илан колебался, не зная, стоит ли продолжать, и Хлоэ кивком подбодрила его.

– Чаще всего это случается, когда я ложусь, закрываю глаза и начинаю засыпать. Появляются тени... Они... просто смотрят, но...

Он вдруг ужасно замерз и съежился.

– Когда я открываю глаза, вокруг ничего нет. Меня как будто касаются призраки или души умерших, но я никого ни разу не... опознал. Я часто смотрю фильмы ужасов, люблю истории о злых духах, живу один в большом доме, вот и отнес все это на счет богатого воображения, своего рода фобии. Но теперь...

– Кто-нибудь проникал к тебе? Пытался напугать – тем или иным способом?

Хлоэ была в смятении и не могла этого скрыть.

– Почему ты спрашиваешь? С тобой что, случилось нечто подобное?

Она не ответила. Даже не посмотрела на него. Илан тихонько взял ее за плечо и повернул к себе.

– Хлоэ...

– Нет, ничего такого не было. Но я иногда пугаюсь самой себя – совсем как ты. Во всем виноваты «Паранойя» и усталость. В последние недели мне чудится, что организаторы игры повсюду, что они следят за мной двадцать четыре часа в сутки. Я слишком много думаю об игре. Даже ночью. Раньше со мной ничего похожего не случалось.

Илан вспомнил, как Хлоэ опустила жалюзи, а потом спросила, безопасен ли его компьютер... Неужели она так сильно боится слежки? Возможно ли, что его

бывшая подружка тоже видит тени?

Он вздрогнул и опустил рукав.

– Наверное, стоит сделать анализ крови и обследоваться? Вдруг мне ввели какую-нибудь мерзость?

– Это полная бессмыслица. Зачем кому-то тебя заражать? Почему подброшенная записка написана твоим почерком?

– Понятия не имею. Скорее всего, меня хотят заставить сомневаться в себе, напугать, свести с ума. Что, если это связано со смертью моих родителей? Да мало ли с чем еще?

Илан кивнул на газеты, лежавшие у Хлоэ на коленях.

– Ладно, давай вернемся к делу. Ты все еще ищешь вход? – Он развернул газету. – Я все понял, когда увидел Фе: она убегала как подорванная, а под мышкой у нее была газета. Произошло чудовищное недоразумение: я подошел к Фе, держа в руке газету, и она решила, что я уже нашел вход, потому что этот вход действительно скрыт в «Паризьен». У меня на этот счет нет никаких сомнений, Хлоэ. Газета –местилище, а содержимое...

– Строчки на страницах. Да, все сходится. А ты молодец.

– Загляни в свой экземпляр. Под «маленькой дверкой» может подразумеваться какое-нибудь короткое объявление, которое позволит нам перейти на следующий уровень.

Хлоэ наконец-то улыбнулась:

– Нам?

Илан не ответил. Ему на мгновение показалось, что жизнь вернулась на год назад, а на самом деле через полтора часа он должен быть на работе, проверять колонки, заправлять машины и смертельно скучать, дожидаясь утра.

Он быстро пробежал глазами колонку объявлений. Свадьбы, некрологи, купля-продажа. Хлоэ повезло первой.

– Кажется, я нашла кое-что серьезное.

Илан наклонился к девушке:

– Ты всегда так говорила, если обнаруживала реальный след.

– Мне это снова удалось. Вот доказательство...

Илану казалось, что все происходит слишком быстро, что прошлое возвращается и он не вернется домой, как собирался.

Хлоэ постучала пальцем по объявлению в рамке внизу страницы:

– Вот, слушай: «Частная лаборатория ищет добровольцев для психологического тестирования. Дата: 17 декабря. Время: с 8:00 до 18:00. Вознаграждение: 30 евро за три часа макс. Адрес: Блан-Мениль, авеню де ла Дивизьон Леклерк, склады Шарона, бизнес-парк „Ла-Молетт“».

– Суббота, семнадцатое декабря. Это завтра. – Илан задумался. – В тексте объявления нет ничего особенного, оно может не иметь отношения к «Паранойе».

– Не думаю. Я начинаю понимать, как они действуют. Объявление дали организаторы игры, только оно выбивается из общего ряда.

Хлоэ вздохнула, убрала газету и откинулась на спинку.

– Наконец-то... Я сумела...

Она сидела с закрытыми глазами, ее нижняя губа едва заметно подрагивала, выражая удовлетворение, и Илан подумал, что в прежние времена они бы бурно радовались – вместе, Хлоэ сказала бы не «я», но «мы», они бы целовались, пили вино и занимались любовью.

Ему вдруг ужасно захотелось... Что, если не все потеряно и он сумеет склеить «черепки», понять, почему год назад Хлоэ так поступила? Возможно, у них еще есть шанс?

Он наклонился еще ближе, но Хлоэ мягко отстранила его.

– Нет. Я не могу.

Она взяла свой экземпляр «Паризьен» и открыла дверцу:

– Удачи, Илан. И... спасибо.

Она ушла и не обернулась.

Он сидел, не в силах шевельнуться, потом схватил газету и смял ее в комок, выместив злость на ни в чем не повинном печатном издании.

Да, он воистину король придурков.

Илан подумал, что, скорее всего, сделал неверный выбор.

Нужно было оттрубить ночную смену, вернуться домой, выспаться, посмотреть до вечера кино, а потом снова отправиться на работу.

Забыть все, забыть Хлоэ и продолжать жить со своими страхами и сомнениями.

Вместо этого он приехал в Блан-Мениль, в пустынную промзону, и ищет адрес, указанный в «Паризьен».

Суббота, 9:10, он устал как собака, не пил, не ел, не мылся и едет в своей маленькой «клио» по лабиринту офисных и промышленных зданий, находящихся в двадцати километрах от Парижа.

Илан без труда отыскал авеню де ла Дивизьон Леклерк и нужный дом в глубине тупика. Людей вокруг было мало – оно и понятно, выходной.

На высоких решетчатых воротах висела пластиковая табличка со стрелкой и надписью «Психологические тесты».

Илан припарковался и вышел из машины. По тротуару взад и вперед ходил охранник в бомбере[11 - Куртка (форменная или спортивная) из кроеного трикотажа с манжетами, воротником и низом, обычно на молнии.], с огромной собакой в наморднике. Увидев пса, Илан мгновенно покрылся холодным потом, проскользнул в ворота и быстро пошел по стрелкам мимо складов Шарона к одноэтажному корпусу, на свежем кремовом фасаде которого красовалась вывеска «Лаборатории Эффексор». Другие читатели газеты «Паризьен» – обычные читатели – наверняка выловили маленькое незаметное объявление и явятся, чтобы получить тридцать евро. Как организаторы «Паранойи» отличат настоящих игроков от обычных наивных добровольцев? Когда же наконец начнется «подлинная» игра и гонка за сокровищем?

Приемный покой выглядел более чем скромно: белые стены, несколько стульев, простой стол, за которым сидела секретарша – женщина со старомодным пучком. Она поздоровалась с Иланом и протянула ему лист бумаги.

– Нужно заполнить стандартный договор, потом вы встретитесь с нашим сотрудником. Садитесь за тот стол и пишите.

– Хорошо, – кивнул Илан. – В объявлении говорилось о частной лаборатории, и, честно говоря, помещение в промышленной зоне вызывает удивление.

– Вообще-то, мы располагаемся в Вильжюифе, но сейчас там идет ремонт. – Женщина вздохнула. – Здесь мы, слава богу, временно.

– А чем конкретно занимается ваша лаборатория?

Зазвонил телефон, секретарша извинилась и сняла трубку. Илан быстро заполнил анкету – имя, фамилия, дата рождения, заколебался, стоит ли вписывать настоящий адрес, но в конце концов решился: возможно, организаторы «Паранойи» будут связываться с игроками, для этого и нужен адрес. Телефон беспрестанно звонил, женщина отвечала и что-то записывала, как обычная служащая конторы.

Все как в настоящей лаборатории. Может, это действительно лаборатория, несмотря на странную обстановку?

В голове у Илана теснились вопросы. Где другие «испытуемые»? А сотрудники «Эффексора»? Кто руководит всей этой явно серьезной организацией? Откуда берутся деньги, кто нанимает персонал, арендует помещения? Что за умники ведут исследования?

Он еще не успел закончить, когда появился седой мужчина лет пятидесяти в длинном белом халате и маленьких круглых очочках на строгом морщинистом лице.

– Я Жеральд Этини, один из руководителей проекта. Пойдемте со мной, прошу вас.

Проекта... Ну конечно. Илан собрался было задать Этини мучившие его вопросы, но тот уже свернул в другой коридор. Белый линолеум на полу, череда одинаковых дверей и желтые неоновые светильники делали его похожим на лабораторный этаж обычного лицея. Этини открыл одну из дверей. В комнате без окон находились трое мужчин и женщина. Они сидели за школьными партами и что-то писали. Перед каждым лежал телефонный справочник. Этини указал Илану на свободное место.

– Задача проста: попытайтесь ответить на все вопросы и выполнить все задания. Я вернусь через два часа, и мы начнем второй этап тестирования.

Илан кивнул, снял куртку и спросил:

– Один вопрос, если можно: в чем именно заключаются тесты и зачем нужен справочник?

Этини вышел, не удостоив его ответом, и Илан повернулся к остальным:

– Прошу меня извинить, но... Вам известно, в чем смысл предложенных нам тестов?

– Читайте и выполняйте, – ответил один из них. – Может, это и странно, и занудно, но лично мне плевать, лишь бы деньги платили.

Типу, который снизошел до ответа Илану, было на вид лет тридцать, его голову украшали сальные дреды, а жирная задница едва умещалась на стуле. Интересно, сколько он весит? Сто сорок или сто пятьдесят кило? Женщина слева от толстяка – бледная, рыжие волосы забраны в конский хвост – даже головы не подняла. Илан не знал, стоит ли заводить с ними разговор о «Паранойе», они ничем не напоминали игроков и были, скорее всего, обычными добровольцами, польстившимися пусть на скудное, но все-таки вознаграждение. Когда экономика в кризисе, бери что дают и не выпендривайся.

Илан снял часы и положил их перед собой.

14:00.

Вопросы были действительно странные. «Если вас уменьшат до размера карандаша и бросят в миксер, как вы выберетесь?» «В виде стружек», – ответил Илан, не понимая, какой тон выбрать – юмористический или серьезный. Следующим был вопрос: «Какой способ умереть был бы для вас худшим?» Илан вспомнил приснившийся кошмар и без колебаний написал: «Смерть через повешение».

Как это ни странно, вопрос номер шесть отсутствовал – за номером пять сразу следовал седьмой. Опечатка? Ошибка? Или так поступили намеренно?

Дальше Илан отвечал на вопросы о любимых художниках – Ван Гог, Сальвадор Дали, Эдвард Мунк; о том, чего боится больше всего на свете – собак; потом перешел к вопросам общего порядка.

Некоторое время он потратил на странную задачку:

На вас космический скафандр, вы с товарищами застряли на освещенной стороне Луны, до ракеты километров триста, если не больше. Почти все оборудование, находившееся в луноходе, повреждено. Осталось пятнадцать предметов, которые должны помочь вам выжить и добраться до ракеты. Расставьте их по степени важности. Вот список:

- коробок спичек;
- продуктовые концентраты;
- 50 метров нейлонового шнура;
- шелковый парашют;
- обогреватель, работающий на солнечной батарее;
- два пистолета 45-го калибра;
- маленький стеклянный черный лебедь;
- ящик сухого молока;
- два кислородных баллона по 50 литров каждый;
- карта звездного неба;
- самонадувающийся спасательный бот;
- магнитный компас;
- 25 литров воды;

- медицинский саквояж со шприцами и иглами для подкожных инъекций;
- ракетницы.

«Так-так-так, – улыбнулся про себя Илан, – вот и черный лебедь. Изящный выход, ничего не скажешь!» Ошибки быть не может – он на территории «Паранойи». Наверное, именно так организаторы отбирают будущих участников. Черный лебедь – самый ненужный предмет в списке, но Илан поставил его на первое место, незаметно оглянувшись на других подопытных и продолжил, очень гордый собой.

Эксперимент шел своим чередом: два человека, пришедшие раньше Илана (в том числе толстяк с дредами), покинули помещение, один вошел, сел, получил тесты от мужчин в халатах разного цвета. Сколько в этом здании таких же комнат? Сколько человек участвуют в опытах?

Последняя часть теста оказалась самой... странной. Илан потратил всего час на начало, а теперь ему предстояло переписывать на белые листы бумаги фамилии, имена и номера телефонов из прошлогоднего справочника Иль-де-Франс, начиная со страницы 22.

Он открыл толстенный том. Что за странное задание? Неужели это способ разделить участников? Оценить их терпеливость и старательность при исполнении дебильной работы. Или ему предстоит вычленить из бесконечного списка кого-то одного, особенного?

Почему страница 22? Почему не этот год, а прошлый? Может, он задает себе слишком много вопросов?

Илан приступил к работе не откладывая. Он исписывал листок за листком, как все остальные, думая, что люди, пришедшие сюда ради жалких тридцати евро, готовы на все.

Впрочем, он поступал так же.

До назначенного времени оставалось пять минут, у Илана ужасно болели пальцы, но он не позволял себе остановиться. Открылась дверь, вошел новый

кандидат, и у него сжалось сердце. Женщина, брюнетка, «мотоциклистка». Та самая, что толкнула его на барже. Они на несколько секунд встретились взглядом, и Илан заметил в ее глазах смесь страха и удивления. Брюнетка небрежным жестом почесала нос, потом незаметно приложила указательный палец к губам, призывая Илана не реагировать.

Он напустил на себя независимый вид и снова склонился над бумагой. Кто эта женщина? Она работает в полиции? Что делает здесь? Чего боится?

За вами наблюдают. Это все что угодно, только не игра. Не ввязывайтесь. Я знаю ответы и помогу вам открыть правду.

Б. П.

Илан не успел задать себе другие вопросы: подошедший сотрудник лаборатории забрал у него исписанную бумагу.

– Время вышло.

Илан постучал по часам:

– У меня еще пять минут.

Он хотел задержаться, подойти к темноволосой женщине, попытаться любым способом войти с ней в контакт.

– Это не имеет значения. Мы переходим к следующему тесту, потом вы сможете вернуться домой.

Илан нехотя подчинился и пошел к двери, с порога обернулся и последний раз посмотрел на брюнетку, но она не подняла на него глаз.

В коридоре Жеральд Этини протянул стопку листов мужчине в белом халате, тот немедленно все разорвал, выбросил в урну и направился в другую комнату.

– Это что, розыгрыш? – изумился Илан.

Этини похлопал его по спине:

– Нам сюда.

Илан изумленно взглянул на второго исследователя: два часа его размышлений и работы растворились как дым.

– Может, пора перестать ломать комедию... – пробормотал он.

– О чем вы?

– Переписывать справочник, заполнять анкеты, которые вы потом демонстративно рвете, не дождавись, когда я отвернусь. Это лишено всякого смысла. Чего вы добиваетесь? Что за игра эта ваша «Паранойя»?

– Здесь никто ни во что не играет, молодой человек. Мы занимаемся очень важным и серьезным исследованием, финансирует нас Министерство здравоохранения. Я, к сожалению, ничего не могу вам объяснить, секретность – одно из условий эксперимента.

– А вот я думаю, что можете. Мне известно, что речь идет о «Паранойе». Я много лет ищу следы в Интернете, ищу – и не нахожу. Я заметил упоминание о черном лебеде в том странном лунном квесте. Что нужно искать теперь? Каким будет следующий этап?

– Простите, молодой человек, но я действительно ничего не понимаю. Пожалуйста, подождите здесь минутку.

Этини оставил подопытного в коридоре и вошел в одну из комнат. Илан с трудом сдерживался, он совершенно выдохся, был раздражен двухчасовой тупой «работой» и ничего не понимал.

Почему эти люди продолжают все отрицать?

В коридоре появился мужчина с тележкой, груженной телефонными справочниками. Он разносил их по комнатам.

Вернулся Этини и указал Илану на дверь с номером 22 – снова 22! – находившуюся рядом с другими дверьми (воистину, это здание просто безразмерное).

– Сейчас я объясню, что будет дальше, – сказал человек в халате. – Вы войдете в маленькую звукоизолированную комнатку без окна и начнете общаться с четырьмя другими испытуемыми – посредством микрофона. Они находятся в соседних помещениях, вы их не увидите. Каждый из вас должен будет рассказать, какие мысли и ассоциации у него возникают при взгляде на предмет, прикрепленный к стене. Свой вы увидите, как только войдете. Чтобы взять слово, достаточно нажать кнопку на микрофоне. Если загорится красный свет, значит слово успел взять кто-то другой и нужно дожидаться зеленого. Все понятно?

– Да.

– Мы запишем вашу беседу и позже ее проанализируем, но слушать в прямом эфире не станем, не волнуйтесь. Вы будете четвертым и предпоследним выступающим. Запомните хорошенько: четвертым. Соблюдать очередность крайне важно. Вы хорошо уяснили поставленную задачу?

– Полагаю, что да.

– Прекрасно. Пока вы будете устраиваться, я сообщу остальным, что эксперимент начнется через две минуты. Когда подойдет ваша очередь, говорите все, что придет в голову. Правил мы не устанавливаем, нет ни «правильных», ни «неверных» ответов. Подчиняйтесь инстинкту. Скоро увидимся.

Илан вошел в крошечную комнатенку, и Этини захлопнул за ним дверь. Ручки с внутренней стороны не оказалось.

Илан попытался открыть дверь, но у него ничего не вышло.

Его заперли.

10

Илан не знал, как реагировать.

Если он кинется на дверь и начнет орать, что хочет выйти, рискует вылететь из игры. Сначала его вышибут из лаборатории, потом из состязания. В голове крутилась фраза: «Это все что угодно, только не игра». Тогда что? Похищение? Глупости. Не здесь, не таким образом, когда вокруг полно людей. Да и зачем кому-то его похищать?

Илан попытался успокоиться и огляделся: все стены обиты специальным материалом, на маленьком столике стоят микрофон и колонки, рядом стул. К одной стене прибит ящик из стекла и металла, в нем лежит нечто, о чем Илану предстоит рассуждать. Он подошел ближе. Господи, как странно... Зачем говорить об этом?

Неожиданно из динамика раздался женский голос:

– Здравствуйте, меня зовут Лара, я не очень знаю, как тут все работает... слышите ли вы меня... но мне все равно нужно рассказать о предмете из моей комнаты...

Илан сел: голос женщины подействовал на него умиротворяюще. Лампочка замигала красным глазом, сообщая, что кто-то взял слово. Голос звучал по-детски застенчиво. Ей, наверное, лет двадцать, не больше.

– Это кусочек мозаики, синий, только справа сверху серая точка. Возможно, часть облака.

Девушка не умолкала. Рассказала о детстве, об отношениях с сестрой. Илан удивлялся: как можно быть до такой степени откровенной с незнакомцами? Второму собеседнику, тридцатисемилетнему Джону Рональду, предстояло рассуждать о зеркале. Говорил он легко, целых пять минут. Илан слушал очень внимательно, пытаясь понять, что происходит. Никто не упоминает «Паранойю», даже не намекает на игру. Что, если остальные – ничего не ведающие подопытные кролики?

Третий участник, по имени Сонни, отбубнил текст про трубку, и наступил черед Илана. Он нажал кнопку «ON», и красный цвет сменился на зеленый.

– Меня зовут Илан, мой предмет – отвертка. Довольно большая, с оранжевой резиновой рукояткой, металлический штырь толстый, сантиметров двадцать в длину.

Илан сидел за столом, подперев щеку рукой. Первые испытуемые оказались ужасно многословными, трепались по полчаса, и вся эта комедия стала ему надоедать.

– Что вам сказать? Мой отец любил мастерить, он даже дом сам ремонтировал. Я другой, так что этот предмет – отвертка – вызывает у меня не много ассоциаций. Я хотел придумать какую-нибудь забавную историю о замечательной отвертке с красивой оранжевой рукояткой, но... о прошлом, как вы, говорить не хочу. Мне жаль.

Илан наклонился вперед, как будто решил, что так его будет лучше слышно.

– Кажется, нас не подслушивают, поэтому задам вопрос, который волнует меня больше, чем рассуждения об отвертке или о трубке: вас тоже заперли? В дверях ваших комнат тоже нет ручек с внутренней стороны?

Илан отпустил кнопку «ON», секунд через десять загорелась красная лампочка и раздался низкий мужской голос:

– Меня зовут Марио, я преподаю итальянский. Мой предмет – маленький черный стеклянный лебедь. Сантиметров пять в длину и три в высоту. Когда я его увидел, сразу подумал о лебединой песне. Говорят, что лебедь-шипун раз в жизни перед смертью исполняет очень мелодичную песню. Трогательную,

изумительно красивую...

Илан вострепнулся. Лебедь следовал своим путем, голос продолжал вещать:

– Смерть – вещь печальная и до ужаса страшная. Знаете, я часто об этом думаю, потому что у меня бывают эпилептические припадки, особенно в стрессовой ситуации. Я не знал, что... – Он закашлялся. – Нас будут мариновать здесь, заперев в клетушках с дверьми без ручек. Это как-то странно, чувствуешь себя подавленным. Однажды я на пять дней впал в кому. Трудно описать несколькими фразами, что я тогда чувствовал. Я был одновременно...

Голос Марио сорвался, он снова закашлялся. Илан нахмурился. Похоже, бедняге плохо.

– Извините. Я был одновременно мертв и жив. Сначала видел очень яркий свет. Правда видел. Я... Можно мне стакан воды? Пожалуйста...

Марио дышал все тяжелее, и Илан нажал на кнопку микрофона, но свет не поменялся с красного на зеленый, значит, несчастный свою кнопку не отпустил.

– Прошу вас, – произнес голос, – дайте воды.

Раздались булькающие звуки. Что-то упало.

Илан выпрямился, сжал ладонями виски. Что за чертов цирк?

На другом конце провода наступила тишина.

Илан вернулся к столу и ударил кулаком по кнопке: зеленый свет.

– Кто-нибудь знает, что происходит? – прорычал он, убрал руку, но ответа не дождался.

– Кто-нибудь нас слышит? Нужна помощь, вы что, не понимаете?

Нет ответа. Илан сжал кулаки. Он вспомнил, как исследователь сказал, что не будет слушать разговоры между участниками эксперимента, и в бессильной ярости оттолкнул стул. Возможно, все происходящее – спектакль!

Или реальность?

Он забарабанил в дверь и заорал:

– Эй вы, там! У нас проблема! Кто-нибудь!

Дверь оказалась куда толще и крепче, чем он думал, так что его воплей все равно никто не услышит. На месте ручки находился белый пластиковый диск с щелью посередине. Если его повернуть, можно отжать язычок замка и открыть дверь.

Ну конечно...

Несмотря на волнение и стресс, Илан понял, что надо сделать, кинулся к прозрачному ящику, обмотал руку шарфом, размахнулся, ударил, стекло разбилось, и он вытащил отвертку, слегка порезав ладонь осколком.

Не обращая внимания на кровь, он вставил отвертку в щель и повернул ее. Дверь открылась.

Коридор. Илан бросился к соседней двери, дернул за ручку, распахнул ее и увидел маленькую комнату – точно такую же, в которой был заперт сам. Стол, микрофон, колонки. А вместо испытуемого – магнитофон. То же он нашел и в следующей комнатухе. Булькающие звуки были записаны на пленку.

Никаких людей, только машины.

Илану показалось, что он бродит по психушке, и им овладел внезапный страх. В конце коридора он столкнулся с Этини, тот стоял у стены, держа на ладони хронометр. Рядом находился человек в белом халате с медицинским чемоданчиком в руке.

– Семьдесят пять секунд, просто отлично, – непринужденным тоном констатировал Этини, записал результат в блокнот и указал на стол.

– Положите отвертку сюда, пожалуйста. Доктор Леконти снимет ваши показатели, если позволите. Потом мы обработаем вам руку.

Пораженный Илан застыл на месте.

– Значит, все это было постановкой? Я разговаривал с записанными на пленку голосами?

Врач, не снимая перчаток, осторожно забрал у Илана отвертку с пятнами крови на оранжевой рукоятке, положил ее рядом с магнитофоном и достал из шкафчика антисептик и пластырь. В комнате резко запахло лекарствами. «Совсем как в больнице...» – рассеянно подумал Илан.

– Оборудование у вас явно не последнего поколения, – с вызовом произнес он, чтобы успокоиться. – Сегодня никто не работает с кассетниками.

Его замечание повисло в воздухе. Врач измерил давление и пульс, потом задал несколько рутинных вопросов. Сколько лет, чем болели в детстве, есть ли аллергия на продукты или медицинские препараты. Еще он спросил, проходит ли испытуемый курс какого-нибудь специального лечения. Илан включился в игру. Вопросы-ответы, анализы, записи не имели ничего общего с тестами, что было, пожалуй, хорошим знаком. Он сказал себе, что наверняка успешно прошел испытания и теперь они хотят оценить состояние его физического и психического здоровья и понять, можно ли привлечь его к участию в «Паранойе». Этих людей интересует, как он будет реагировать в стрессовой ситуации.

– Когда игра начнется по-настоящему? Сколько у меня будет соперников?

Этини бросил на Илана странный взгляд и ничего не сказал, а врач и вовсе не отреагировал.

– Ну, вот и все, благодарю вас за участие.

– Эй, погодите, что значит «благодарю за участие»?! Я шел по следу черного лебедя. Реагировал адекватно. Я уверен, что не ошибся. Так что мне делать теперь? Вернуться домой как ни в чем не бывало?

– Не понимаю, о чем вы. Ни о каком... черном лебеде я ничего не знаю.

– Может, послушаем еще раз пленку Марио?

– В этом нет необходимости. У нас полно других дел.

Илан не знал, как поступить в сложившейся ситуации. Этот тип в открытую над ним насмехается.

– Теперь я могу вам все объяснить, – сказал исследователь. – Наша лаборатория специализируется на социальной психологии. Нет ни игры, ни соперников – в противоположность тому, что вы думаете. У нас очень серьезная программа, которую финансирует государство. Вам будет интересно узнать, что только семьдесят процентов добровольцев, принимающих участие в эксперименте, подобном сегодняшнему, выходят из закрытой комнаты с помощью предмета из стеклянного ящика и делают это в среднем за сто пятьдесят секунд. Иными словами, ваша реакция была очень быстрой. Эксперимент имел целью показать, что чем больше людей собирается вместе, тем меньше они склонны помогать другому. Это называется принципом разделенной ответственности. Что до ответов, которые мы выбросили не читая... Эта работа должна была ввергнуть вас в стрессовое состояние.

Они обменялись рукопожатием.

– Доктор Леконти проводит вас к выходу. Деньги получите через две недели – чек пришлю по почте.

Этини повернулся и исчез, врач пошел по коридору, игнорируя вопросы Илана, и через несколько секунд молодой человек оказался на улице. Воздух был холодным и свежим, небо – голубым и безоблачным, но после трех часов, проведенных в безумной и какой-то нереальной обстановке среди психов, Илан чувствовал себя оглушенным.

Илан решил остаться и подождать. Он сидел в машине, припаркованной у тротуара напротив складов, и безуспешно пытался связаться с Хлоэ по телефону, оставляя сообщения на голосовой почте. Байкерша не появлялась. Неужели он ее пропустил? Могла она выйти, когда он был заперт в комнате и заканчивал тестирование? За четверть часа в здание вошли и вышли человек двенадцать добровольцев. Илан впервые столкнулся с такой странной, двусмысленной игрой без всяких правил и границ. «Паранойя» была чем-то совершенно новым, особенным.

В стекло постучали. Илан повернул голову и увидел охранника с собакой. Высокий крепкий мужчина в толстом бомбере держал на поводке босерона[12 - Босерон – старинная порода французских овчарок, еще не так давно эта собака была мало известна за пределами своей родины.] с крупной коричнево-черной головой. Илан мгновенно вспотел и вжался в сиденье. В детстве его укусила за икру соседская шавка, и с тех пор он смертельно боялся собак, особенно больших.

Он приспустил стекло.

– Здесь нельзя стоять, мсье, – суровым тоном произнес охранник.

Илан смотрел на пса, судорожно цепляясь за ручку двери, и не мог вымолвить ни слова, потом кивнул и повернул ключ в зажигании. Ладно, так тому и быть, он поедет домой и попытается немного поспать, а к восьми отправится на работу.

Он покидал промышленную зону с тяжелым сердцем, не получив ответов на мучившие его вопросы, не взяв нового следа.

До Монмирая Илан добирался почти два часа. После исчезновения родителей он переехал из своей маленькой квартирki в парижском предместье в их дом.

Проехав по длинной извилистой дороге, он поставил машину на гравийной аллее напротив входной двери. Илан обожал это старое здание в готическом стиле, с остроконечными башенками. В детстве, играя с воображаемыми героями, он селил их именно в таком доме-замке, а теперь во всех деталях воспроизводил дом мечты в сценариях видеоигр.

В этом доме мечты он теперь обитает, переживая кошмар одиночества и страха.

Он огляделся вокруг: Хлоэ права, дом и сад приходят в запустение и выглядят необитаемыми. Нужно все обновить. Снять деньги с банковских счетов родителей. Они бы хотели, чтобы он жил хорошо и счастливо.

Очень скоро дом станет прежним. Обещаю вам...

Он, конечно же, подумал о «Паранойе». Триста тысяч евро обеспечат его будущее, помогут воплотить идеи в жизнь и даже создать собственную компанию.

Нужно понять, как внедриться в эту чертову игру и – главное – стать лучшим среди лучших.

Илан вернулся в дом, налил себе кока-колы, съел кусок разогретой пиццы, пошел в ванную, повернул до упора тумблер электрообогревателя, разделся и встал под душ. Ледяная вода обожгла кожу.

В этот момент раздались голоса. Мужчина и женщина спорили где-то совсем близко, но из-за шума воды Илан не мог разобрать ни слова.

– Кто здесь?

Он закрутил кран, не стал вытираться и выскочил голым в коридор. Голоса стихли. Илана била дрожь, он клацал зубами. Тени, голоса... Что с ним такое?

Он вернулся под душ, намылился, ополоснулся и оделся, даже куртку натянул и обвязал шею шарфом, чтобы хоть чуть-чуть согреться. Придется терпеть, мастер появится в лучшем случае через два дня.

Илан устроился на диванчике, включил телевизор, прибавил громкости, чтобы не чувствовать себя таким одиноким, угнездился в подушках и натянул плед до самого носа. Веки у него отяжелели, он уже готов был погрузиться в сон, но тут его взгляд упал на журнальный столик.

Почта исчезла.

Илан вскочил и обыскал всю комнату: ничего, ни листка, ни конверта.

На сей раз у него есть формальное доказательство вторжения.

Едва дыша от страха, он осмотрел все помещение и метнулся на второй этаж. Ванная, зеркало, тетрадь отца...

Карта исчезла, испарилась. Страницу вырвали аккуратно, почти незаметно.

Илан сбежал вниз и запер входную дверь на два оборота. Ключ легко повернулся в замке, значит его не взламывали. Значит, у них были ключи. Нет, невозможно. Он всегда держит их при себе или прячет в надежном месте, а замки новые, их поменяли совсем недавно, как только появились эти... призраки.

Илан осмотрел все окна и двери, проверил сад. Деревья, поля, дорога... Нигде ни души. Он отодвинул комод, снял плинтус и достал фотокопию закодированной отцом карты. К счастью, он догадался спрятать несколько экземпляров в разных тайниках, в том числе в компьютерах и на флешках.

Он чувствовал себя изнасилованным. К нему вломились. Обшарили весь дом, что-то искали в его вещах, в вещах покойных родителей.

Тени существуют.

Теперь он совершенно уверен, что мать с отцом погибли не случайно.

Их убили из-за исследований, которыми они занимались, из-за сделанных открытий.

Илан тяжело опустился на стул, обхватил голову руками и попытался собраться с мыслями. Зачем злоумышленникам понадобилось забирать почту? Там не было ничего, кроме счетов, писем с вежливым отказом и...

В мозгу что-то щелкнуло. Он вдруг вспомнил конверт на имя Беатрис Портинари, попавший к нему по ошибке. Тот, что он забыл вернуть на почту. Здесь есть связь.

Беатрис Портинари – это загадочная «Б. П.».

Ее инициалы стояли в конце странной записки, обнаруженной им в кармане куртки.

Беатрис Портинари – та самая брюнетка, с которой он столкнулся в лабораториях «Эффе́ксор». Это она якобы случайно толкнула его на барже, чтобы передать записку.

Голову прострелила острая боль, как будто в основание черепа воткнули вязальную спицу. Он согнулся пополам и сцепил зубы, ему показалось, что затылочная кость вот-вот взорвется. Боль была жестокой, обжигающей, как будто в мозг вколотили кучу кнопок. Илан закрыл глаза, и под веками мгновенно замелькали тени, они склонялись над ним, хотели утянуть за собой в темноту.

Он облился потом, с трудом разлепил веки и, шатаясь, потащился на кухню. Растворил в воде таблетку аспирина и выпил, стуча зубами о край стакана. В доме было холодно, но на лбу у него выступила испарина, все тело горело, как в лихорадке.

Он прилег, чтобы унять дрожь. Что происходит?

Боль прошла, и Илан попытался расставить все по местам. Письмо он получил до того, как явилась Хлоэ и рассказала ему о «Паранойе», а через несколько дней были украдены бумаги отца, о которых, кроме нее, знали два или три человека. Совпадение? Вряд ли.

Нет. Только не Хлоэ.

Его бывшая подруга не может быть замешана, это лишено всякого смысла, тем более что она всегда знала о существовании карты и могла миллион раз незаметно скопировать ее.

Илан чувствовал себя загнанным в угол: он не хотел заявлять о взломе, ведь легавые о карте не знали, а доказательств у него не было. Ничего другого не украли. Дверь, судя по всему, открыли ключом. Полицейские пошлют его куда подальше и в лучшем случае обвинят в мифомании.

Он рывком поднялся и кинулся к компьютеру, чтобы найти точный адрес Беатрис Портинари. На конверте значилось «Бульвар Распай». Это Шестой округ[13 - Париж разделен на 20 муниципальных округов.]. Илан открыл сайт «Белых страниц», напечатал фамилию, имя, адрес, и на экране высветился номер телефона. В справочник, должно быть, не успели внести изменения: Беатрис Портинари съехала, но все еще была зарегистрирована по старому адресу.

Он набрал номер. Слава богу, голова перестала болеть.

– Слушаю...

– Здравствуйте, меня зовут Илан Дедиссет. Я хотел бы поговорить с Беатрис Портинари, она снимала эту квартиру, возможно, была ее владелицей. Вы, случайно, не знаете новый адрес или номер телефона Беатрис?

– Вам повезло, две или три недели назад она приходила и оставила номер сотового – на случай, если кто-нибудь захочет с ней связаться.

Илан взял листок бумаги, подумав, что все это не случайность.

– Она брюнетка, крепкая, широкоплечая?

– Мужеподобная и одевается соответственно. Записывайте...

Илан поблагодарил, попрощался и тут же набрал номер.

– Да...

– Беатрис Портинари?

Ответили не сразу.

– Кто вы? – Женщина говорила с легким итальянским акцентом.

– Тот, кого вы намеренно толкнули на барже и сунули в карман записку. Сегодня утром мы виделись в лабораториях «Эффексор».

– Откуда у вас этот номер?

Илан направился к выходящему в сад окну, обвел окрестности подозрительным взглядом и произнес, инстинктивно понизив голос, словно боялся, что кто-то в доме может его услышать:

– Все очень странно. Неделю назад я получил адресованное вам письмо. На конверте стоял штамп «Адресат выбыл». Я понял, что вы больше не живете на бульваре Распай, позвонил новой квартирантке и получил от нее ваш телефон. Странно, правда?

– Это ошибка, ситуация изменилась. Вы ни в коем случае не должны были звонить мне. Они за вами следят, я буду в опасности из-за этого разговора.

– Кто такие «они»? Кто за мной следит и почему? Вчера вечером или сегодня утром, когда я проходил тестирование в «Эффексоре», ко мне в дом вломились. Это как-то связано?

На сей раз пауза продлилась дольше.

– В том, что письмо пришло на ваш адрес, нет никакой логики, – недоверчивым тоном произнесла собеседница Илана. – Именно на ваш адрес, вроде бы случайно... Что в нем было?

– Я его не открывал.

– А следовало бы. Кто-то еще знает.

– Ничего не понимаю. Кто? Что знает?

– Я пришлю вам эсэмэску, – прошептала она, – назначу встречу и все объясню. Будьте начеку, мне не звоните. И не ночуйте дома – они на все способны. Нам обоим грозит чудовищная опасность.

В трубке раздались гудки.

Мозг Илана взорвался болью, он бросил телефон на стол, лег, и тени вернулись: они плясали у него под веками, отталкивая друг друга.

Илан свернулся в клубок, чувствуя, что вот-вот сдохнет.

12

Нет занятия более унылого и скучного, чем работать ночью на автозаправке. Приходится час за часом бороться со сном, пялясь в книгу или журнал, ведь Интернета нет – хозяин позаботился. Единственное преимущество – можно бесплатно брать книги с полок маленького магазинчика, устроенного в глубине помещения, и читать в свое удовольствие.

В этот декабрьский уик-энд все происходило несколько иначе: начались рождественские каникулы, люди сели в машины и отправились в горы, поэтому Илану помогала Меган. У них было мало общего, так что они почти не разговаривали, но время проходит быстрее, когда кто-то мыкается рядом с тобой.

Около десяти вечера зазвонил мобильный Илана. Хлоэ, наконец-то... Он извинился перед Меган и отошел поговорить. Илан ждал этого звонка весь день, он все еще злился на девушку за то, что накануне она так внезапно бросила его на набережной Сены.

– Это я... Извини, что не позвонила раньше, я увязла в поисках и не заметила, как прошло время. Мы можем поговорить спокойно? Ты один?

– Один, – сдерживая нетерпение, ответил Илан. – Выкладывай.

– Я отправилась в «Эффексор» к открытию. Думаю, мы проходили тесты одновременно. Фе тоже там была, явилась к самому началу.

– Естественно. Она времени не теряет.

– Не знаю, обратил ли ты внимание, что народу там было немного, а лаборатория нигде не зарегистрирована, и в Интернете о ней нет ни слова.

– Как и о «Abilify»... Этаким корабль-призрак.

– Точно. Меня сразу насторожило, что добровольцев пришло так мало, и я купила в табачной лавке «Паризьен» за пятницу, чтобы сравнить с газетой, найденной на барже. Ну так вот: в экземпляре от табачника нет никакого объявления! Все газеты, лежавшие на столике в салоне «Abilify», – подделка.

– Получается, что все, кто решил пройти то гребаное тестирование, тоже прочли сфальсифицированный «Паризьен», то есть случайных людей в лаборатории не было, – сделал вывод Илан.

– Ты прав, они тоже нашли «вход» в игру и хотят заполучить выигрыш.

Илан вспомнил других испытуемых: рыжеволосую женщину, небрежно одетого толстяка с сальными дредами – они перекинулись несколькими словами, и он ничем не выдал свою осведомленность.

Голос Хлоэ вернул его к реальности.

– Из всего этого следует один-единственный вывод. Организаторы – люди небедные, у них есть деньги, отличная логистика и масса хитроумных идей. Это скорее хорошо, игра обещает быть захватывающей. Какие у тебя результаты?

Илан взглянул на странную, невесту откуда взявшуюся ранку на руке и ответил с сомнением в голосе:

– Все вышло суперстранно. Черный лебедь имел место, но типы в белых халатах пошли в отказ насчет «Паранойи». Намекнули, что у меня не все в порядке с головой, и заявили, что работают по программе Министерства здравоохранения.

– Аналогично... Такая у них стратегия: ни при каких обстоятельствах не раскрывать себя, напускать туману и отбирать лучших. Думаю, они хотят выяснить, насколько мы хороши и выдержим ли уготованные нам испытания. Отбор происходит прямо в момент тестирования. Учитывая их возможности, они могут наблюдать за кандидатами на улице, в общественных местах и отслеживать реакции.

Илан инстинктивно оглянулся и поежился, вспомнив о неизвестных – или неизвестном? – вломившихся в его дом.

– Сколько это будет продолжаться, как думаешь? Когда начнется игра?

– Понятия не имею. Мне нужно кое о чем с тобой поговорить. Что за предмет был в твоей комнате?

– Отвертка.

– Отвертка... Очень любопытно. Мой был гораздо нейтральней. Фотография. Наша с тобой фотография.

Илан склонился над телефоном. В помещение вошли люди – наверное, едут на лыжную базу – и устроились рядом с кофейным автоматом. Мать семейства вздохнула и посмотрела в его сторону. Илан ушел подальше за стойку.

– Что за фотография?

– Ты и я, на снегу, в горах, у меня светлые длинные волосы.

– В горах? Что за ерунда? Когда это мы ездили вдвоем в горы?

– Прошлой зимой, перед тем как расстались. Только не говори, что не помнишь!

Он нахмурился. И вдруг перед глазами всплыла картинка: они пробираются по снегу, за ними кто-то идет – несколько человек. Образы растаяли так же внезапно, как появились, и лиц он разглядеть не успел. Ему снова стало холодно, и он повернул ручку обогревателя.

– Я просто устал, голова гудит, мысли путаются, но кое-что, кажется, помню. Ты забрала фотографию?

– Нет, она была в стеклянном ящике, прикрепленном к стене. Чтобы достать снимок, нужно было его разбить. Я не решилась.

– Зря. Тебя тоже заперли?

– Да. Это было просто ужасно, особенно когда Марио будто бы начал задыхаться... Выйти мне не удалось. Дверь открыл Этини – минуты через три или четыре. Не представляешь, как я запаниковала.

В трубке раздался тяжелый вздох.

– Чертов вивисектор сказал, что мне следовало разбить стекло и ребром снимка откинуть задвижку. Я неправильно реагировала в стрессовой ситуации, так что мои шансы на участие в игре уменьшились. Зато теперь мы точно знаем, что слезка тебе не померещилась. Происходит нечто непонятное. И касается это нечто нас с тобой, я уверена.

– Нас обоих? А ты здесь при чем?

– Не знаю, но фотография говорит сама за себя. Как они ее достали? Со мной тоже происходили странные вещи. Мягко говоря, странные. Я все тебе расскажу, но не по телефону.

– Договорились.

– Давай вернемся к тестам... Когда Этини выпустил меня из заточения, я спросила, что означает эта фотография, но он не пожелал отвечать и удалился.

Потом меня осмотрел врач, задал несколько вопросов и проводил до выхода. На улице ко мне подгреб охранник с собакой и велел отчаливать. Все устроили они. Это игра.

Илан в упор посмотрел на мужчину, который стоял у круглого столика и наблюдал за ним, приложив ладонь к щеке. В ушах у него были наушники. Несколько секунд они мерились взглядом, потом мужчина бросил стаканчик в урну, вышел, сел в машину и уехал. Илан оглядел посетителей: любой из них мог оказаться участником игры или взломщиком. Не исключено, что Хлоэ права и они прямо сейчас наблюдают за ним.

– В прошлом году мы с тобой были в горах, а след «Паранойи» впервые обнаружился на одном незарегистрированном сайте за шесть месяцев до этого. Мы тогда вели себя очень неосторожно – находили «норы» и оставляли следы своих ай-пи-адресов. Через них организаторы игры легко могли вычислить наши «физические» адреса, узнать, где мы живем, установить слежку...

Илан уловил в голосе Хлоэ панические нотки, ему показалось, что она по-настоящему напугана.

– Не знаю, как это работает, но создатели «Паранойи» наверняка месяцами следят за самыми серьезными и упорными игроками, за нами в том числе. Теми, кто умеет выигрывать. Наводят о них справки, фотографируют, запугивают.

– Имеешь в виду тот черный «ауди», который стоял перед моим домом?

– И это тоже.

«Бред, – подумал Илан, – хотя, с другой стороны...»

– Мы думали, что игра только-только начинается, – сказал он, понизив голос, – а на самом деле она идет много месяцев и уже внедрилась в наши жизни. Мы искали игру, а она сама пришла к нам.

– Вполне вероятно. Повторяю: игра вездесуща, Илан. Она расползается, заполняет нашу жизнь. Сейчас важнее всего узнать, зачем и как это происходит.

Меган махнула рукой Илану: народу становилось все больше, работы прибавилось. Он знаком попросил ее подождать еще чуть-чуть, отвернулся к стене и зашептал в телефон:

– Ко мне вломились. Забрали отцовскую карту.

– Когда?

– Не знаю. Я не был дома после вечеринки на барже.

– Ты заявил в полицию?

– Пока нет. Не знаю, что делать. Как воры узнали о блокноте? Ты кому-нибудь рассказывала?

– Ни единой живой душе.

Илан решил пока не говорить Хлоэ о Беатрис Портинари. Он полностью доверял ей, но «мотоциклетная» брюнетка настаивала на соблюдении строжайшей секретности.

– Ладно, мне пора, а то посетителей полна коробочка.

– Поняла. Если что, сразу звони.

– Ты тоже.

Илан убрал телефон. Из головы не шли мысли о фотографии, описанной Хлоэ. Он ничего не помнил о поездке в горы с бывшей подружкой, хотя во время разговора у него было несколько моментов просветления, перед глазами всплывали яркие образы, в голове звучали голоса, раздавались шумы.

Повторялся кошмар психиатрической клиники.

Он сделал над собой усилие, чтобы скрыть смятение, и отправился обслуживать клиентов. Около часа ночи все наконец затихло, и Илан подошел к Меган,

которая листала глянцевый журнал, поедая шоколадное печенье.

– Слушай, Меган, ты знаешь, как у меня все здесь сложилось?

Она подняла на него усталые глаза:

– Выражайся яснее – время позднее, башка плохо варит.

– Я не помню, как меня взяли на работу. Я что, присылал резюме, проходил собеседование?

Меган окинула его непроницаемым взглядом:

– Ты явился, принес резюме, сказал, что ищешь работу, тебя взяли. Я всегда говорила, паренек, ты у нас того... со странностями. Что с тобой творится?

Илан прикрыл глаза рукой:

– Проехали... Просто память подводит.

Он вернулся на свое место, чувствуя себя как боксер, получивший удар кулаком в висок.

Это был не просто провал в памяти: он совсем ничего не помнил о том, как нанимался на работу, как учился работать на кассе.

Чем больше Илан размышлял о мелких деталях своей повседневной жизни, о вещах, которые никогда ни у кого не вызывают вопросов, тем яснее понимал, что его существование похоже на головку сыра с большими дырками. Он не знает, где и когда купил машину. Когда в последний раз был в парикмахерской. В каком магазине выбирает для себя одежду.

Он терзал свой мозг вопросами – и не находил ответов.

Одни воспоминания таяли и исчезали, другие возникали в темпе блица, как то, самое ужасное, о самоубийстве в психушке.

Илан чувствовал себя подавленным, угнетенным. Как сказала Хлоэ, происходит нечто такое, чего он не понимает. Кто влияет на его жизнь, что за невидимый монстр вселился в него, выкачивает энергию, изменяет воспоминания? В чем причина диких головных болей, возникающих каждый день, как по команде, откуда берется ощущение иголок в мозгу? Что за тени появляются, стоит ему закрыть глаза, что за голоса он слышит в душе?

Тебе ввели медленно действующий яд.

Илан закатал рукав и вернулся к Меган.

– Скажи, что тоже это видишь.

Она вздохнула:

– Красновато-лиловая точка, характерный след от инъекции. Ты еще и колешься?

– Никогда даже не притрагивался к наркотикам. Я рассказывал тебе о психиатрической клинике?

– Ни словом не обмолвился.

Илан отошел, решив, что завтра обязательно сдаст анализ крови. Теперь он был совершенно уверен, что ему ввели какую-то дрянь, от которой организм пошел вразнос, а мозг выдает галлюцинации.

Три часа спустя, в 4:25 утра, он получил сообщение: «Приходите на улицу Ренн, 27, в Париже. Как можно скорее. Квартира № 38, четвертый этаж. Никому не говорите. Предупредите за пять минут, я открою. Б. П.».

Илан быстро шел по утреннему Парижу, сунув в карманы руки в перчатках и втянув в плечи голову в вязаной шапочке. Фасады домов на бульваре Распай купались в сером сумраке, впереди маячила башня Монпарнас, похожая на длинную палочку лакицы. Илан вообразил мертвый – ни зелени, ни воды – пейзаж у адских врат, вспомнил строфу дантовского «Ада» и игру «Fallout Re?demption», действие которой разворачивалось в ледяном, постапокалиптическом Париже.

Он послал сообщение Беатрис Портинари и свернул на улицу Ренн. Город все еще пребывал в дреме, лишь немногочисленные страдальцы, вынужденные вставать на заре, садились за руль и ехали на работу.

Илан остановился у дома № 27. Это было то ли шести-, то ли семиэтажное здание в османовском[14 - В XIX веке по поручению Наполеона III префект департамента Сена барон Жорж Эжен Осман провел градостроительные работы, во многом определившие современный облик Парижа.] стиле: над его белым фасадом основательно потрудились время, в больших окнах отражался свет фонарей. Илан осторожно толкнул створку ворот и оказался перед входом, слева висел домофон со множеством кнопок, стеклянная дверь была слегка приоткрыта, – наверное, Беатрис Портинари заранее нажала на кнопку. Илан проскользнул внутрь, бесшумно потянув за собой тяжелую створку, и задержался у почтовых ящиков в ожидании, когда зажжется свет.

На ящике под номером 38 почему-то стояло имя «Анни Бокур», а не Беатрис Портинари. Илан подумал, что Беатрис, возможно, делит квартиру с этой самой Анни, и начал подниматься по лестнице на четвертый этаж. Бордовая ковровая дорожка приглушала звук шагов, потолки были высокие, деревянные панели украшали стены. Шикарное местечко...

С трудом сдерживая нервную дрожь, он постучал в дверь квартиры 38, и створка медленно открылась.

Илан потоптался на пороге и спросил сдавленным шепотом:

– Есть кто-нибудь?

Свет внутри не горел, ответа он не дождался и пошел по коридору.

– Я Илан Дедиссет, пришел к мадам Портинари. Вы здесь, Беатрис? Анни Бокур?

Никто не отозвался, и он почувствовал, как страх липкой лапой коснулся его затылка. Белые стены, несколько предметов африканского искусства под стеклом в витринах, чередой дверей. Илан входил в одну комнату за другой, машинально окликая хозяйку. В кухне никого не оказалось, гостиная тоже была пуста. Он заметил кожаную кобуру на стоявшей в углу вешалке и фотографию в рамке на стене: блондинка в полицейской форме была снята рядом с коллегой-сыщиком, альбиносом с поразительно светлыми глазами и платиново-белыми волосами.

Он никогда не видел эту женщину.

Скорее всего, она и есть хозяйка квартиры.

На всех других фотографиях фигурировала она же – и никакой Беатрис Портинари, высокой мужеподобной брюнетки. Почему она назначила ему встречу именно здесь?

Илан был в недоумении. Он развернулся, чтобы уйти, но свет гасить не стал и вдруг заметил на паркете красный след. Кровь. Никаких сомнений. Умирающий человек пытался уползти из комнаты.

Ноги сами понесли Илана вперед, он вошел в комнату, повернул выключатель и увидел место преступления.

Незнакомая ему блондинка с фотографии лежала на полу, вытянув вперед руку, глаза ее были открыты, в спине торчала отвертка.

Та самая, с оранжевой рукояткой, которую Илан выдернул из рамки, когда проходил тесты в «Эффексоре».

Он отшатнулся, прислонился к стене, горло перехватил спазм.

Ему показалось, что он попал в стальные челюсти огромного капкана.

Первым его побуждением было бежать, бежать немедленно, но он не мог оторвать взгляд от пальца погибшей, указывавшего в левый угол, где стоял столик с одним ящиком.

Илан обошел труп и потянул за ручку. Внутри лежали маленький золоченый ключ – такими открываются всяческие замки или сейфы – и фотография. Илан сразу узнал Жеральда Этини, седовласого ученого из «Эффексора». Мужчина садился в зеленый «мерседес», припаркованный на бульваре.

У входной двери настойчиво затренькал домофон, до смерти перепугав Илана.

Кто-то снова и снова нажимал на кнопку, вознамерясь во что бы то ни стало войти в дом.

Зажав в руке фотографию и ключ, он заставил себя подойти к окну гостиной и бросить взгляд на улицу.

Прямо под фонарем стояли два типа. Одного из них Илан сразу узнал, это был альбинос со снимков, висевших на стене в гостиной.

Легавые.

Альбинос задрал голову, и Илан судорожно отшатнулся.

Они тут из-за него.

Пришли арестовать убийцу.

Времени на размышления не осталось, нужно действовать. Илан сунул фотографию и ключ в карман, выскочил на лестничную клетку и услышал, как щелкнула входная дверь.

Он на цыпочках побежал вверх. Вслед ему на каждом этаже зажигался свет, словно кто-то хотел задержать злоумышленника, не дать уйти. Полицейские поднимались по лестнице, и Илан вызвал лифт. Через двадцать секунд двери открылись. Сейчас или никогда. Через несколько мгновений они обнаружат труп

коллеги и вызовут подмогу. Илан вскочил в кабину и нажал на кнопку.

Лифт медленно поехал вниз. Пот градом катился по лицу Илана, он молился, чтобы кабина не остановилась на третьем этаже, и как загипнотизированный следил за мигающими кнопками. 6, 5, 4... 0. Едва металлические створки разъехались, он ринулся к входной двери, нажал на кнопку и, ни разу не оглянувшись, выскользнул на улицу, оставив за спиной труп женщины, которую не видел ни разу в жизни, женщины, чье убийство наверняка повесят на него.

14

Гудок клаксона. На светофоре загорелся зеленый свет. Илан вздрогнул, встряхнулся и нажал на педаль.

Ловушка. Его заманили в квартиру неизвестного человека, где лежала мертвая женщина. Ее ударили в спину отверткой, которую он держал в руке.

В его голове звучали слова «убийство», «попытка к бегству», «тюрьма». Он ни в чем не виноват, но его посадят за решетку. У него мелькнула мысль: «Вернуться. Рассказать сыщикам, что он стал жертвой чудовищного заговора. Попытаться, пока не поздно, объяснить то, чего он и сам не понимает...»

«Клио» миновала бульвар Гренель, проехала по мосту и выскочила на авеню Кеннеди. Илан притормозил на задах Дома Радио и бросил взгляд на набережные. Баржи стояли у берега – все, кроме «Abilify», на ее месте находилась груженная каким-то оборудованием «Existenz». Илан включил аварийные огни, вгляделся в темноту, оглянулся – на всякий случай – и вышел из машины. Он ничего не понимал – судно, на котором проводили выставку марок, исчезло.

Испарилось. Никаких следов «Abilify» и «Паранойи».

Илан втопил педаль газа, дрожащей рукой открыл бардачок, куда накануне, обнаружив пропажу карты, положил отцовский шестизарядный «Магнум-44». От взгляда на револьвер его пробрала дрожь, и он поспешил захлопнуть дверцу, почувствовав себя беглым преступником.

Он вернулся на окружную дорогу и поехал к промышленной зоне Блан-Мениль. Мысли путались, кровь стучала в висках, он давил на газ, на полной скорости петляя между машинами.

Дойти до конца. Понять.

Голоса неожиданно вернулись, зазвучав отчетливей и громче, чем в первый раз. Ему захотелось разбить голову об руль. В далеком уголке мозга шел разговор между мужчиной и женщиной. Теми же самыми. Казалось, что мужчина стоит между двумя скалами, отчего слова было не разобрать.

Мигающий свет фар отразился в зеркале, вернув его к реальности. Илан понял, что едет на скорости не больше шестидесяти, сменил полосу и ускорился. Он что, сходит с ума? Откуда взялись проклятые голоса? Кто бубнит у него в голове?

Через полчаса он остановился, сунул револьвер в карман, выскочил из машины и ринулся к пакгаузам Шарон. Решетка была приоткрыта, но табличка с надписью «Психологические тесты» исчезла. Илан пробежал вдоль ангаров и оказался перед большим зданием с кремовым фасадом, где накануне над ним проводили опыты.

Вывеска «Лаборатории Эффексор» тоже испарилась. Илан дернул за ручку – дверь не открылась. Часы показывали половину седьмого. Он вернулся к складам, нашел в куче мусора обрезок железной трубы, взломал входную дверь и через десять секунд оказался в приемном покое.

Мебель, компьютер, телефон тоже испарились. Илана затошнило. Он повернул выключатель, но лампы не загорелись, пришлось довольствоваться светом фонарей и луны, проникавшим с улицы. Он шел по коридорам, открывал двери и видел... пустые комнаты. Старый стул... Стол... И больше ничего.

Небытие.

«Паранойя» в очередной раз испарилась. Изменила реальность с помощью волшебного порошка.

Он услышал лай – громкий, злобный лай большой собаки.

Где-то внутри.

Илан обернулся и увидел шарящий по стенам луч фонарика.

Охранник и пес приближались.

Илан кинулся вглубь здания. В спину ему неся крик: «Стой! Стой, кому говорю!» – но он бежал не оборачиваясь, бежал, боясь, что не выдержит и сдохнет, убитый страхом, отчаянием и яростью. Лай приближался. Илан оглянулся и увидел, что охранник спустил собаку с поводка, она была уже метрах в пятнадцати от него, неслась, то и дело оскальзываясь на линолеуме, неумолимая, как танк.

Илан хрипло вскрикнул, толкнул двери – одни, другие, третьи – и понял, что впереди только темнота. Он в ловушке, еще несколько секунд, и свирепая тварь настигнет его.

В последний момент он заметил окно, ввалился в комнату и захлопнул дверь. Мохнатый цербер глухо рычал, царапая когтями створку. Илан вспомнил, как в молодости его покусала собака, и почувствовал фантомную боль в ноге. Не время раскисать. Он с энергией отчаяния распахнул окно, выдохнул, прыгнул на обледеневший асфальт, оказался перед мрачной громадой складов и метнулся вбок. Его тень скользила по металлическим стенкам отсеков, легкие готовы были взорваться, мышцы горели. Он рвался к решетке, как затравленный охотниками зверь.

Илан чувствовал себя дичью, бесноватым убийцей, которого нужно скрутить и запереть. Никто ему не поверит...

Он стартовал так резко, что взвизгнули шины. В зеркале отразился свет фонаря охранника, колесо чиркнуло по бордюру тротуара, машина вильнула и наконец тронулась с места. Все в порядке.

Да уж, в том еще порядке...

Илан трясущейся рукой достал из кармана тренькающий телефон, не опознал номер, не стал отвечать и дождался сообщения на голосовую почту: «Это лейтенант Тартар из парижской криминальной полиции. Пожалуйста, перезвоните, как только сможете, мне нужно с вами поговорить. Мой номер...»

Альбинос вышел на его след. Как это возможно?

Илан подумал о своих сообщениях и звонках Беатрис Портинари. Настоящему убийце нужно было сделать одно: оставить рядом с трупом мобильный жертвы, остальное – дело техники.

Капкан вот-вот захлопнется.

Слава богу, есть Хлоэ. Она тоже видела баржу, читала объявление, участвовала в экспериментах и сможет свидетельствовать в его защиту, сказать, что он не псих. Хлоэ знает, что он ничего не выдумал, что кто-то пытается повесить на него преступление.

У него так сильно дрожали пальцы, что он едва сумел набрать номер, ответа не дождался и оставил истерическое послание: «Хлоэ, позвони сейчас же, умоляю. Я по уши в дерьме. Это все штучки „Паранойи“. Они исчезли – ни баржи, ни лаборатории, ничего не осталось. Еду к тебе».

Он бросил телефон на пассажирское сиденье, открыл все окна. Ему нужен воздух!

Илан переживал ад в режиме реального времени. Провалы в памяти, след от укола на руке, жестокое убийство... Как давно им манипулируют? Кто вознамерился его уничтожить?

Из головы не шли слова Меган, работавшей вместе с ним на заправке: Да что с тобой такое, парень? Нет, у тебя точно шариков в башке не хватает! Почему она так сказала? И что за голоса звучат у него в мозгу? Он никогда не слышал их наяву, они появились, когда начались все эти неприятности, одновременно со следом от иглы, с приснившимся кошмаром и остальными мерзостями.

Около половины восьмого Илан добрался до Корвисара, выехал к площади Италии, заглушил двигатель, посидел, собираясь с силами, вышел и направился к дому, где жила Хлоэ.

Ему повезло – дверь подъезда открылась, выпуская кого-то из жильцов, и он просочился в холл, взбежал на шестой этаж, постучал в дверь квартиры № 54, но ответа не дождался. Еще рано, где она может быть? Илан почувствовал, что вот-вот сорвется, тяжело навалился плечом, повторил попытку и... замок поддался.

Илан вошел, и у него подкосились ноги.

Он тяжело плюхнулся на четвереньки.

Квартира Хлоэ была совершенно пуста.

15

Никакой мебели. Ни одного предмета, подтверждающего, что Хлоэ Сандерс когда-то жила здесь. Только пыль. И паутина на потолке.

Эта квартира необитаема много недель. Или месяцев.

У Илана сдали нервы. Он отошел в угол и долго плакал, спрятав лицо в ладонях.

Все это нереально. Ему снится жуткий кошмар, он сейчас проснется. Илан огляделся, коснулся рукой выщербленной половицы, занозив до крови палец, слизнул языком теплую, отдающую противным медным вкусом каплю.

Все было реально.

Он выпрямился и, пошатываясь, побрел по комнатам. Все они были пусты, даже спальня, где они провели столько счастливых ночей.

Илан отказывался признать, что Хлоэ могла быть участницей заговора и вернулась к нему, чтобы завлечь в западню. Что ему известно о ней по большому счету? Он никогда не видел родителей подруги, она ничего не рассказывала о своем прошлом. Они с Хлоэ «встретились» в Интернете, она игрок, как и он, их объединила охота за сокровищами. Начался роман, они жили вместе два года, потом она бросила его без всяких объяснений, перестала отвечать на звонки, отказывалась встречаться.

Возможно ли, что все, с самой первой – виртуальной – встречи, было подставой? Чудовищным заговором?

На площадке хлопнула дверь. Илан вытер глаза, ринулся к выходу и успел перехватить направлявшуюся к лифту соседку.

– Я друг Хлоэ Сандерс. Она не подходит к телефону, я забеспокоился, прибежал, взломал дверь...

Женщина окинула взглядом осунувшегося, бледного как смерть молодого человека в грязной одежде.

– Мне кажется, мы уже встречались, я не ошибаюсь?

– Год назад я часто здесь бывал. Я... друг Хлоэ.

– Да, конечно, теперь я вспомнила. – Она убрала ключи в сумочку. – Там больше никто не живет. После того как мадемуазель съехала, квартиру так и не заняли.

Илан прислонился к двери, испугавшись, что упадет.

– Когда она съехала?

– Скоро будет год. Знаете, здесь происходили странные события.

– Какого рода?

Взгляд соседки затуманился, она поежилась, как будто вдруг замерзла.

– Пугающие. Каждое утро, выходя из квартиры, и каждый вечер, возвращаясь домой, мадемуазель Сандерс обнаруживала на двери небольшой погребальный крест.

Женщина кивком указала на кружок в центре створки, где дерево выглядело более светлым.

– Сюда его приклеивали – почти каждый день, много недель. Это продолжалось три месяца, потом у вашей подруги окончательно сдали нервы, и она исчезла. Никто даже не попытался снять или купить квартиру. Не знаю почему.

Илан отшатнулся от двери, как от удара электрошокером. Значит, Хлоэ ушла не потому, что хотела сделать ему больно, ее до смерти напугал какой-то псих.

Открытие почти успокоило его, но мысль о «Паранойе» не шла прочь.

– Хлоэ когда-нибудь вызывала полицию?

– Не припомню. У меня, да и у других соседей были серьезные сомнения насчет правдивости всей этой истории.

– Правдивости? В каком смысле?

– Никто из нас ни разу не видел того или ту, кто клеил кресты, хотя в доме живет много народу, а войти можно, только зная код домофона.

– Или дождавшись, когда кто-нибудь выйдет из подъезда. Я поступил именно так.

– Конечно, но вас наверняка кто-то да заметил, мог рассказать другим, описать. Вы не невидимка. И не призрак.

Илан подумал о тенях, об их незримом присутствии вокруг себя.

– Три месяца, каждый день. Соседи пришли к единодушному мнению: посторонний человек ничего подобного сделать не мог.

– Хотите сказать, это был один из жильцов?

– Мы думаем, что злоумышленник – не кто иной, как сама мадемуазель Сандерс.

Илану показалось, что его ударили кинжалом в спину. Женщина заметила смятение собеседника и продолжила:

– Хлоэ Сандерс всякий раз снимала крест и уносила его в квартиру. Можете себе представить, чтобы кто-нибудь каждый день приходил в чужой дом с одной-единственной целью: наклеить крест на дверь квартиры посторонней женщины? Что у кого-то хватило терпения вырезать девяносто крестов? Помню, однажды мы попросили показать нам эти кресты, но она сказала, что все уничтожила. Хлоэ была странной особой...

– То есть?

– Никогда не открывала ставни на окнах, утверждала, что за ней следят, ходят по пятам. Чистая паранойя!

Илан судорожно сглотнул: с ним происходило то же самое. Возможно, Хлоэ стала первой жертвой «Паранойи» и ничего не сказала, чтобы защитить его.

– Последние сомнения исчезли месяцев шесть-семь назад. Я совершенно случайно узнала, что мадемуазель Сандерс лежала в психиатрической клинике. Мне неизвестно, как долго и по какой причине, названия больницы я тоже не помню. Странное такое слово...

Илан был потрясен. Психиатрическая больница...

Нет, только не Хлоэ.

Он не хотел верить, но факты – упрямая вещь. Хлоэ почти наверняка бросила его, потому что плохо себя чувствовала и была измучена историей с крестами. Как она могла не сказать ему?

А он был так занят собственными проблемами, что ничего не заметил.

Илан осторожно прикрыл изуродованную дверь мрачной пустой квартиры, где теперь жили лишь пауки да старые воспоминания.

16

Илан шел к машине, пытаясь осмыслить сделанные открытия.

Хлоэ была пациенткой психушки.

На двери ее квартиры каждый день появлялся крест.

Неужели она впала в безумие и совершала поступки, о которых ничего не помнит? Или кто-то намеренно пытался свести ее с ума?

Илан подумал о тех, кто ополчился на него. О тенях, о невидимках, проникавших в дом, следовавших за ним по пятам. Наверное, он тоже скоро попадет в лечебницу.

Что, если эти же «тени» взяли в оборот и Хлоэ?

Зазвонил телефон.

– Илан? Я получила твои сообщения. Рассказывай! Что происходит?!

– Нам нужно увидеться и все обсудить, иначе я рехнусь!

Он вдруг понял, что почти кричит.

– Ко мне не приходи, – поспешно ответила девушка. – Встретимся на площади Италии, где всегда. Я буду там через десять минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Психиатрическая больница, специализирующаяся на содержании и лечении психически больных, представляющих потенциальную опасность для себя или других лиц.

2

Старший унтер-офицер в вооруженных силах и полиции Франции, примерно соответствует старшему прапорщику в армии РФ.

3

Ассоциация пяти лыжных баз в Северных Альпах.

4

Пистолет SIG-Sauer – штатное оружие европейских спецподразделений и полицейских.

5

От имени Марка Порция Катона, известного также как Катон Утический (95–46 до н. э.). Древнеримский политический деятель, проповедник строгих нравов, лидер аристократии в сенате, принципиальный противник Цезаря и видный философ-стоик. После самоубийства в осажденной Цезарем Утике стал символом защитников республиканского строя.

6

Военный термин, обозначающий условное время начала какой-либо операции, реальный срок которой может по разным причинам неоднократно сдвигаться. Во французском языке это le jour «J», в английском – Day «D» (D-Day).

7

Географический код INSEE – во Франции числовые или буквенно-числовые коды, которые выдает Национальный институт статистики и экономических исследований.

8

«Толстяк» и «Фортуна» – корабли французского моряка Ива Жозефа де Кергелена. В 1771 году он возглавил экспедицию, открывшую 13 февраля 1772 года острова Кергеленовой Земли (ныне – архипелаг Кергелен).

9

Тартар в древнегреческой мифологии – глубочайшая бездна, находящаяся под царством мертвых бога Аида, куда Зевс низвергнул титанов. Реки Тартара: Стикс – река забвения, Коцит – река плача и стенаний.

10

«Базельская голубка» – первая и единственная почтовая марка швейцарского кантона Базель. Выпущена 1 июля 1845 года. Находилась в почтовом обращении до 30 сентября 1854 года.

11

Куртка (форменная или спортивная) из кроеного трикотажа с манжетами, воротником и низом, обычно на молнии.

12

Босерон – старинная порода французских овчарок, еще не так давно эта собака была мало известна за пределами своей родины.

13

Париж разделен на 20 муниципальных округов.

14

В XIX веке по поручению Наполеона III префект департамента Сена барон Жорж Эжен Осман провел градостроительные работы, во многом определившие современный облик Парижа.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/frank-tile/golovolomka-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)